

ТЯЖЕЛЫЙ СВЕТ КУРТЕЙНА
← Зеленый →
Том 3

МАКС
ФРАЙ

Макс Фрай
Тяжелый свет Куртейна
(темный). Зеленый. Том 3

Серия «Другая сторона»

Серия «Тяжелый свет
Куртейна», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67084488

Тяжелый свет Куртейна. Зелёный. Том 3 / Макс Фрай: АСТ; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-145968-0

Аннотация

510–550 нм – это длина световых волн, соответствующих зелёному цвету.

Это завершающий том третьей части истории о людях, духах, деревьях, котах, драконах, трамваях, кофейнях, мостах и прочих чудесах города Вильнюса, его потаённой изнанки и других не менее удивительных мест. Истории, которая внезапно оказалась длинной, зато предельно понятной интерпретацией выпавшей всем нам – и читателям, и персонажам, и автору – на удачу 64-й гексаграммы Вэй-цзи. Ещё не конец.

Содержание

Первое море	6
Эна всё ещё здесь	6
Я	11
Эва	24
Стефан	39
Люси, Зоран	47
Второе море	53
Я	53
Эна здесь и не здесь	67
Стефан	81
Эдо	87
Снова Стефан	101
Кара	129
Эва	137
Третье море	141
Нёхиси	141
Эдо	149
Эва, Юстас	158
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Макс Фрай

Тяжелый свет Куртейна (темный). Зеленый. Том 3

©Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ»

*Smrtina nedele,
Kdes klíč poděla?
– Dala sem ho, dala
Svatěmu Juři,
Aby nam otevřel
do raja dveři,
Aby Juři vstal
Pole odmykal,
Aby tráva rustla,
Tráva zelená¹.*

*Сто звёзд зелёных
плывут над зелёным небом,
не видя сто белых башен,
покрытых снегом².*

¹ Смертное воскресенье. Куда ты дело ключ?– Я дало его, дало Святому Юрию, Чтобы он нам открыл Двери рая, Чтобы Юрий Отомкнул поле, Чтобы росла трава, Трава зелёная. Эту песню поют в восточной Моравии в Смертное воскресенье (предпоследнее перед Пасхой).

² Фрагмент стихотворения Федерико Гарсиа Лорки «В глубинах зелёного

**Первое море
цвета зелёной дымки, цвета
зелёной бутылки, цвета
амброзии, цвета зелёного завитка**

Эна всё ещё здесь

февраль 2020 года

Эна уходит так постепенно, что никто не видит, не знает, не чувствует, что она уже начала уходить.

Эна не принимала такого решения. Не выбирала подходящую дату и способ ухода. Для неё самой это тоже сюрприз. Просто Эна всегда всё делает вовремя, иначе, хоть застрелись, невозможно, такова её суть. Любой процесс, если к нему хоть каким-то боком причастна взрослая Бездна, всегда будет протекать правильно и своевременно – без каких-то её специальных усилий, сам собой.

Когда Эна сюда пришла, она вломила в реальность грубо, не церемонясь, сразу вся целиком. Она не для собствен-

ного удовольствия так поступила, а исключительно из уважения к местным законам природы: туда, где материя грубая и тяжёлая, входить следует тоже грубо и тяжело.

Зато уходить отсюда надо медленно, осторожно, аккуратно извлекая себя из мира, который уже так привык к постоянному присутствию Бездны, что перестал считать её гостьей. Вот-вот, чего доброго, сам поверит, будто он на Бездне как на мифической черепахе стоит. И не ровен час, рухнет буквально от нескольких резких движений. Жуть какой неустойчивый мир! Хотя на самом деле это как раз нормально, известное дело: реальность, созданная из жёсткой материи, обычно получается хрупкая, как листовое стекло. Проще простого разбить её вдребезги, но этого Эне совершенно точно не надо. Бездне не следует становиться причиной поломки чего бы то ни было. Смысл существования взрослой Бездны – не крушить, а способствовать исправлению всего, что под руку попадёт.

Поэтому Эна уходит так медленно и незаметно, что будь она ещё молодой неопытной Бездной, сама бы, пожалуй, не поняла, что с ней происходит. Решила бы, это просто настроение сегодня какое-то странное, восторженное и печальное, словно счастья, как прежде, в избытке, но не хватает чего-то – кого-то? себя? И сердце – у Бездны, конечно, есть сердце, без сердца Бездне нельзя – в общем, сердце как-то подозрительно ноет, словно уже почти безнадежно влюбилась, но в

кого именно, не решила, подходящий объект пока не нашла. Интересно, где такое необычное настроение подцепила? Чьё оно? Из какого вылетело окна? Или из трубы с печным дымом? Или с музыкой, донесшейся издалека? Или просто ветром его наваяло? Ох уж эти тёплые южные ветры в разгар февраля.

Но Эна взрослая Бездна, поэтому она не гадает, откуда взялось настроение, а констатирует: я уже ухожу. В этот момент из окна первого этажа дома на улице Полоцко раздаётся громкий крик: «Мантас! Пора обедать!» Мать зовёт сына домой, а мальчишка, гоняющий мяч с друзьями, орёт в ответ: «Ну пожалуйста! Ещё полчаса! Мы только разыгрались!» Рыжая тётка, которой здесь кажется Эна, невольно улыбается: вот спасибо! Такой молодец, высказался за меня.

Однако Эна уходит, и тут ничего не поделаешь. Иногда это происходит помимо её желания, даже ему вопреки – если Старшая Бездна так разыгралась, что мир, который она гоняет, как мяч, вот-вот затрещит по швам. В этом смысле Бездны, как уже было сказано выше, чрезвычайно удачно устроены: такова их природа, что они не могут ломать и вредить.

Кого действительно жалко, так это Тони, – весело, как Бездне положено, но всё-таки очень по-человечески думает Эна. – Не нагулялся как следует. Не повезло! Только-только научился мною на кухне командовать и начал входить во

вкус, как вдруг я вероломно увольняюсь по причине внезапного форс-мажора. В настолько буквальном смысле, что даже немного неловко. Привет, я непреодолимая высшая сила, внезапно вмешалась в текущие обстоятельства и пришла расторгнуть наш рабочий контракт.

Ладно, – говорит себе Эна, – уходить дело не быстрое, пару недель как минимум тут ещё задержусь. Успею ещё помочь ему по хозяйству. Жалко, конечно, что даже в наваждении класса эль-восемнадцать нельзя перемыть всю посуду заранее, на несколько лет вперёд! Зато картошки вполне можно начистить с запасом, новая кожа наутро не отрастёт.

На самом деле Эна конечно довольна – Эна всегда довольна тем, что с ней происходит. И уже нетерпеливо прикидывает: что дальше? Лучший в мире, самый желанный вопрос! Правильный ответ: дальше – всё, что тебя пожелает, потому что ты-то сама желаешь сразу всего.

Эне заранее нравятся все возможные варианты – если ты Бездна, тебе не может не нравиться то, что однажды случится не с кем-нибудь, а с тобой. Но в радостном предвкушении перемен Эна явственно ощущает горькую нотку, как будто ей – жалко? это же так называется? – в общем, не хочется расставаться с теми, кто здесь. Эне нравится горечь, взрослые Бездны обычно ничего подобного не испытывают. Но Эна узнаёт это чувство. С ней уже было что-то похожее. Когда-то почти бесконечно давно.

В детство я тут с ними впала, — думает Старшая Бездна. — Ужас в том, что этим городом, похоже, действительно правит любовь. Чем бы она ни прикидывалась, какие бы формы ни принимала, это точно она, я её узнаю.

Да что ж за реальность такая хлипкая, — с весёлой досадой думает Эна. — Только разыгрались, и всё, хватит, привет. Я же теперь, чего доброго, — изумлённо думает Эна, — скучать по ним буду. По-настоящему! Как, к примеру, поэты тоскуют о мёртвых возлюбленных. Интересно, как себя чувствуют те, по кому соскучилась Бездна? Как им живётся, что снится? Что томит, какие булбуряют желания? Вот заодно и проверим. Когда-нибудь ещё встретимся, в вечности все встречаются. Расскажут потом.

Но скучать буду после, — говорит себе Эна. — Не сейчас! Рано пока начинать. В этой реальности время всё-таки по большей части линейное. Здесь сперва надо расстаться как следует, а уже потом начинать скучать.

Я

февраль 2020 года

Я говорю: «Ерунда, ничего не бойся!» – вполне человеческим голосом. Ну, насколько может говорить человеческим голосом пьяный туман. Не в том смысле пьяный, что сам как свинья нажрался, а в том, что у каждого, кого я окутаю, земля уйдёт из-под ног, и сладко закружится голова, хоть за руль не садись в таком состоянии; впрочем, никто и не сядет, где он сейчас, тот руль.

Я повторяю почти человеческим голосом: «Всё нормально, не бойся, видишь, я – целый я, не баран чихнул! – здесь с тобой», – и девчонка смеётся, словно видит меня не только глазами, но и насквозь. Вот за что я люблю девчонок: они часто сразу платят за чудо лучшей на свете валютой – удивляют меня. Никогда не знаешь заранее, что она скажет, какой ерунды испугается, от какого лютого ужаса отмахнётся, почти не заметив, и в какой момент ей станет смешно. Вот и этой сделалось страшно, когда под ногой ветка хрустнула. Просто дурацкая ветка! Что идёт уже четверть часа через изменившийся до полного неузнавания призрачный мерцающий мир, так это типа нормально. А что с нею при этом туман человеческим голосом разговаривает, так это, оказы-

вается, даже смешно.

На вершине холма я наконец расступаюсь, стекаю к её ногам такими густыми клубами, словно она стоит в облаках, а не на твёрдой земле. Шепчу напоследок: «Это тебе, дорогая. Весь мир – тебе», – и исчезаю, как положено наваждению. Девчонке не до меня, ей сейчас открылся лучший на свете вид на невозможную мешанину из фрагментов ночного города и его тайной изнанки – слева сияет искусно подсвеченный костёл Святых Иоаннов, справа – древний храм Примириений, бывшее святилище Неизвестных Богов. Пусть стоит, пусть смотрит, пусть будет. Неважно, чем дело кончится, потому что оно для неё уже никогда не кончится. Опыт есть опыт, он – навсегда.

А обратно она потом как-нибудь выберется. Чего тут не выбраться, с холма не только тропинка протоптана, здесь даже лестница есть. И светло – спасибо, дорогая Луна, не представляю, как ты ухитряешься в самой последней четверти так ярко сиять, но доброе дело делаешь. Ты крута, – думаю я, стекая по склону холма гораздо быстрее, чем туманам положено. Каким-то, прости господи, водопадом. Потому что меня ждут друзья.

* * *

Стефан и Нёхиси уже на краю могилы. В смысле, отлично устроились на обломках ограды одной из самых старых мо-

гил Бернардинского кладбища. У нас тут сегодня пикник. Не по какому-то особому поводу, а просто для разнообразия. Глупо ограничиваться кофейнями и кабаками, когда у тебя есть весь мир, включая Бернардинское кладбище, где почти никто не гуляет зимой, даже такой тёплой, как нынешняя, и это делает его идеальным местом для пикников.

Строго говоря, на краю могилы сейчас только Стефан. А Нёхиси над Стефаном и могилой беспардонно парит, специально приняв для этого физкультурного упражнения облик воздушного змея, оранжевого, как апельсин; по его словам, если стать очень плоским и очень хвостатым, можно испытать от полёта какой-то особенный кайф, которого ни в какой другой форме хоть застрелись, не получишь, а тёплые цвета – оранжевый, алый, жёлтый – делают удовольствие изысканно утончённым. Ему, конечно, виднее, мне в такие нюансы вдаваться сложно, я не настолько гурман.

– На полчаса опаздывать это уже вообще ни в какие ворота, – говорит мне Стефан, показывая кулак; ну, это нормально, он всякий раз при встрече непременно находит какой-нибудь повод погрозить мне кулаком. Я подозреваю, это потому, что Стефан – человек старой школы, настоящий олдскульный шаман, битком набитый всякими древними суевериями; вот совершенно не удивлюсь, если кулак – ритуал, который, по замыслу, должен меня укрощать. Это, положив руку на сердце, всё-таки вряд ли, не настолько я демон, чтобы шарахаться от шаманского кулака, но Стефан есть Сте-

фан, ради него я готов на многое, и чтобы его не расстраивать, иногда притворяюсь, будто слегка усмирился – ну, как я себе представляю демоническое смирение. Я-то точно не старой школы. И вообще никакой.

Вот и сейчас я смиренно усаживаюсь на останки могильной ограды рядом с паном начальником Граничной полиции, смиренно отнимаю у него кусок ещё тёплого пирога с чем-то неопишущим и смиренно, но торопливо, пока владелец пирога не опомнился и не попытался забрать мою добычу обратно, жую.

Но вместо того, чтобы возмутиться, Стефан почему-то одобрительно улыбается. Никогда его не поймёшь!

– Вот это ты правильно, – говорит он. – А то явился прозрачный, как привидение. Давай, жуй и материализуйся уже окончательно. Что с тобой такое случилось?

– Даже на пару часов без присмотра оставить нельзя! – вставляет оранжевый воздушный змей, то есть, Нёхиси. И укоризненно щекочет мне нос своим длинным хвостом.

– Да ничего не случилось, – говорю я с набитым ртом. – Просто слишком быстро из тумана стал человеком. Но не сдуру, а потому что к вам спешил. Глупо же приходить... на ползать на пикник в виде тумана и печально смотреть, как хищные антропоморфные существа алчно пожирают судьбой предназначенные тебе пироги. Запивая... а кстати, чем у нас в этом сезоне пироги запивают? С огненной водой материализация идёт веселей!

– Тёмный ром у нас нынче вечером в тренде, – говорит Стефан и протягивает мне бутылку Бакарди.

– Судя по тому, какие тут слёзы остались, не очень-то вы без меня скучали, – ворчу я, просто так, для порядка. И потому, что надоело изображать смирение от кулака.

– Ну так тоску заливали же! – ухмыляется Стефан.

А Нёхиси, перекувыркнувшись три раза, гулким басом вещает с неба:

– Сам убежал за первой попавшейся юбкой, а мы тут, значит, трезвыми сиди?

– За штанами, – говорю я. И укладываясь на землю. Потому что пироги и ром, конечно, дело хорошее, но иногда эта чёртова материализация жрёт кучу сил, так что даже сидеть становится невозможно, только пластом лежать.

Из тумана в человека, по уму, вообще лучше во сне превращаться, но когда это я поступал по уму. С другой стороны, лежать на влажной твёрдой холодной земле не до конца овеществившимся телом очень приятно, а я – гедонист.

– За штанами? – заинтересованно переспрашивает Стефан.

– Девчонка была в штанах, а не в юбке, – объясняю я, протягивая ещё слегка прозрачную, но уже вполне загребущую руку в направлении свёртка с остатками пирога. – Такая хорошая, вы бы на неё посмотрели. Явно не местная. Откуда-то приехала к нам и тут же влюбилась по уши, как таким отличным девчонкам положено, в весь город сразу, с изнанкой, чу-

довищами, путями в неведомое, в его тайные тени и несбывшиеся вероятности. Короче, во всё, что тут есть, включая невидимое, но явственно осязаемое, а значит, и в нас. Даже в первую очередь, в нас! Она и без меня уже бродила счастливой сомнамбулой, я только чуть-чуть помог.

– Чем именно ты ей помог? – спрашивает Стефан с такой характерной профессиональной заинтересованностью, явно прикидывая, не выписать ли мне люлей за мистические издевательства над детьми человеческими. Для начала – над одним конкретным человекодитём.

Я бы с удовольствием ему подыграл, просто чтобы поддержать свою репутацию кары господней, но сейчас мне лень лжесвидетельствовать против себя. Поэтому я только зеваю:

– Да ну тебя, не хипеши. Считай, просто под ручку с ней прогулялся. Недалеко, на ближайший холм. По дороге даже голову ей не морочил, только смешил немножко. И застилал глаза. Никакой отсебятины, всё как она заказывала, когда мечтала о чудесах. Хотела неба в алмазах, вот и получила небо в алмазах. Я так рад! Если бы пришлось из всех моих нынешних возможностей оставить только одну, выбрал бы именно эту – иногда становиться чудом и на кого-то обрушиваться. Случаться с тем, кто меня сможет взять. Мне это кажется самым прекрасным делом на свете. Вот правда. Слишком хорошо помню, что такое быть человеком, ежедневно расшибающим лоб о бетонную стену, отделяющую тебя от всего, что имеет смысл. И что с тобой происходит,

когда эта стена рушится, и по твою душу приходят прекрасные, страшные, невообразимые, совсем не такие, как ты себе представлял, потому что представлять тогда было некому, нечем – чудеса. Из этого, видимо, следует сделать вывод, что я – сентиментальный дурак. И дать мне – нет, не по шее, а выпить. Потому что иногда божественное милосердие просто обязано проявляться вот так.

– Ты отличный, – твёрдо говорит оранжевый змей и наконец спускается с неба на землю, садится рядом со мной, приняв почти безупречно человеческий облик. Не то от избытка чувств, не то сообразив наконец, что пока он болтается в небе, мы со Стефаном под возвышенные разговоры прикончим и выпивку, и пироги.

– Не дурак, а просто псих, каких поискать, – ухмыляется Стефан, протягивая мне бутылку. – В смысле, нормальный художник – в широком смысле, the Artist, я бы сказал. Хлебом тебя не корми, дай кого-нибудь сразить наповал. День зря прожит, если по твоей милости никто ни разу не чокнулся! Каким ты был, таким и остался. От своей подлинной сути даже в самую чудесную судьбу не сбежишь.

– Да чего от неё бегать, – в тон ему отвечаю я, приподнимаясь на локте. – Пусть будет. Годная у меня оказалась суть.

– Это лучшее, чему я у тебя научился! Сражать наповал, и чтобы все по моей милости чокнулись, – говорит Нёхиси, отнимая у меня бутылку. Даже, я бы сказал, ловко её подхватывая, пока она не выскользнула из моих ослабших от удив-

ления рук. Всё-таки когда всемогущее существо говорит: «Я у тебя научился», – это, будем честны, очень странно звучит.

– Раньше, – продолжает Нёхиси, победительно размахивая добычей, – я всегда ставил вопрос таким образом: «Какого рода удовольствие я от этого получу?» А теперь первым делом думаю: «Интересно, какой будет эффект?» Удивительная позиция. Для таких, как я, по идее, совершенно абсурдная. Для меня любые изменения мира естественны, как дыхание, я сам – действие и процесс. Какое мне может быть дело до результата, до эффекта, который исчезнет в вечности, сменившись каким-нибудь новым, прежде чем я удосужусь его разглядеть? И вдруг всё так удачно сложилось, прямо одно к одному: и от полного всемогущества пришлось отказаться, чтобы тут с вами пожить, и время потекло медленно, и изменений, которые я вношу, стало гораздо меньше – по сравнению с привычным ритмом существования, я здесь, можно сказать, на пляже лежу. И как счастливый пляжный бездельник часами пялится в небо, разглядывая облака, так и я могу любоваться результатами собственных действий. Но что их можно специально планировать, чтобы вышло не как попало, а заранее задуманный эффект – это мне ты подсказал. Так что я теперь тоже художник! И это, как всякий полученный опыт, уже навсегда.

– Богема беспутная, – с удовольствием соглашается Стефан. – Эй, богема, бутылку не зажимай!

– Кстати о богеме, – говорит Стефан, отставив в сторону пустую бутылку так беспечно, что сразу становится ясно, у него припрятана как минимум ещё одна. – Ты вообще в курсе, что картины твои объявились?

Я открываю рот, чтобы спросить: «Ты о чём?» – но уже и сам понимаю. Были картины. Я же правда когда-то просто красками по холсту рисовал.

– Ясно, значит, не в курсе. – Стефан почему-то выглядит таким довольным, словно лишний раз показал мне кулак.

Я лихорадочно соображаю: это он о каких картинах? Если о тех, которые я всем подряд раздаривал, вообще не проблема. Пусть будут, они не считаются, ерунда. А если... Да ну, нет. Быть такого не может. Я же...

– Те, которые ты сжигал, – ухмыляется Стефан. – Можно сказать, приносил в жертву, сам не зная кому. И главное, всё у тебя получилось! Вот чему я с тобой до сих пор удивляюсь: какую дурость ни сделаешь, всё тебе впрок.

Мне, по-хорошему, надо бы сейчас огрызнуться. Или хоть отшутиться. Но не могу. Сказать, что я сражён и растерян, – ничего не сказать. Похоже, новомодное заклинание «Картины твои объявились» гораздо эффективней старорежимного шаманского кулака.

Наконец спрашиваю:

– А где именно они объявились? Если у твоих приятелей из Небесной Канцелярии в не пойми каком измерении, тогда всё нормально. Затем их, можно сказать, и жёг.

– Обойдётся. Хотя вполне возможно, там тоже, я просто не спрашивал. Зря! Надо будет узнать. Но пока они обнаружены у Кары дома. На стенах, как ни в чём не бывало, висят.

Стефан так победительно сияет, словно я и правда какой-нибудь неукротимый демон, и он меня наконец обуздал.

Я, кстати, сам не понимаю, почему эта новость так меня подкосила. По идее, дома у Кары – это и есть «в не пойми каком измерении». Ну, почти. Квартира у неё непростая, в двух реальностях сразу. Как раз на границе между «не пойми» и «пойми». И вообще Кара есть Кара. Она отличная. Люблю её очень. Когда это я чего-то жалел для друзей?

– Да не переживай ты так, – говорит Стефан. – Всего-то четыре штуки пока. Я, если честно, не представляю, откуда они там взялись. Кара – тем более. Это странная история, даже по моим меркам. Осенью в её квартире появилась лишняя комната. Причём Кара сперва сама не поняла, что случилось. Списала на рассеянность. Смея_лась – представляешь, так заработалась, что забыла, сколько комнат в квартире, бардак. Но потом села, спокойно подумала и поняла, что комнаты раньше действительно не было. Говорит, точно сама так обставить её не могла: там огромный диван, а Кара их ненавидит всем сердцем. И если верить Каре, дико безвкусный шкаф. Но обстановка – ладно, главное – картины на стенах. Такое забыть невозможно, по её же словам. Кстати, я согласен, действительно невозможно. Сколько лет прошло,

а я их сразу узнал. Хотя толком не видел, что ты там палил у себя во дворе. Только ту, которую стащил, разглядел как следует. Но этого совершенно достаточно. Ясно, что картины у Кары – твои. Почему-то целёхоньки. Хотя подрамники до сих пор пахнут дымом. Практически неуловимо, совсем чуть-чуть. Не представляешь, как я этому рад, – добавляет Стефан с такой сердечностью, что свинство с моей стороны продолжать на него сердиться за эту новость. Гонцов не казнят!

Тем более, новость же, по идее, скорее хорошая, чем плохая. Что мне не так?

– Если тебе сдуру сейчас показалось, будто появление картин означает, что та твоя давняя жертва не принята и всё отменяется, просто посмотри на себя, благо ещё прозрачный, – мягко говорит Стефан. – И на нас обоих тоже внимательно посмотри. А если опасаясь, что всё это тебе просто в бреду мерещится, так это, знаешь, нормально. Я и сам до сих пор иногда сомневаюсь: а вдруг это не я такой великий герой, а просто мухомор попался забористый? И так уже примерно лет восемьсот. А всё почему – тому, кто рождён человеком, трудно привыкнуть к чудесной судьбе. К дряни какой-нибудь – запросто, на второй же день она начинает казаться нормой. А к чуду и счастью – ох, нелегко.

– Спасибо, – вздыхаю я. – Ты прав по всем пунктам, конечно. Что даже ты сомневаешься, это чудовищно. И очень смешно.

– Так получается, я теперь могу посмотреть, что он рисовал? – вдруг спрашивает Нёхиси, всё это время молчавший с таким рассеянным видом, словно с нами впору от скуки помереть.

– Получается, можешь, – невозмутимо кивает Стефан. – Вряд ли Кара наотрез откажется пускать тебя на порог.

– Вот это да! – восхищённо вздыхает Нёхиси. И говорит мне: – Я все твои картины, конечно, видел – перед внутренним взором, как и всё остальное, что было с тобой. Но перед внутренним взором – это, сам понимаешь, как репродукции в интернете. По сравнению с оригиналом, совершенно не то...

– «Как и всё остальное»? – ошеломлённо повторяю я. – То есть, погоди, ты серьёзно? Вообще, что ли, всё?

И натурально хватаюсь за голову, вспоминая некоторые эпизоды своей человеческой биографии, после которых, будь я землёй, ни за что не стал бы себя носить.

– Я не нарочно подглядывал, – разводит руками Нёхиси. – Просто я же по природе своей всемогущий. И от этого как бы немножко всеведущий. Такой, понимаешь, побочный эффект.

– Ох. Что ты вдобавок ко всему ещё и всеведущий, я до сих пор как-то не сообразил. Вот прямо всё-всё про меня знаешь? И до сих пор не убил?

– А надо было? – удивляется Нёхиси.

– Сам понимаешь, я не настаиваю. Но положи руку на сердце, есть же за что.

– Да ладно тебе, – отмахивается он. – Во всей Вселенной никого не останется, если за такую ерунду убивать. А глупости я и сам делал. Собственно, вот прямо сейчас продолжаю. Представляешь вообще, кем надо быть, чтобы с вами связаться, утратить часть всемогущества и сидеть тут на человеческом кладбище, наворачивая пироги? По нашим меркам, я псих ещё и похуже, чем ты для людей!

Я снова ложусь на землю, теперь не от слабости, а от внезапно охватившего меня счастья, такого пронзительного, что похоже на боль. И говорю сердито, словно собрался скандалить:

– Господи, как же всё это хорошо.

Эва

февраль 2020 года

Эва давно не видела Эдо Ланга. С прошлого года точно; чуть ли не с сентября. Они вообще были не особо близко знакомы. Встречались всего несколько раз, когда ходили ужинать к Тони, обычно с Карой; однажды та была занята, и они вдвоём туда добирались. Эдо тогда не мог войти в невидимое кафе без посторонней помощи, а Эва всё никак не могла поверить, что может, поэтому оба опасались, что без Кары у них ничего не получится, но виду не подавали, всю дорогу храбро щебетали о пустяках; нормально вошли, конечно, а как иначе, теперь вспоминать смешно. Потом Эдо Ланг вроде бы сам туда ходить научился, во всяком случае, больше не просил его провожать.

Эва продолжала заходить к Тони, теперь даже чаще, чем раньше, потому что Тонино кафе ещё осенью стало блуждающим и начало само возникать у неё на пути. Сворачиваешь в проходной двор, чтобы срезать путь, или ищешь, куда переехало почтовое отделение, и вдруг утыкаешься в знакомую дверь, ещё и открытую настежь – а вот и мы, дорогая, привет! Но с Эдо они там почему-то не совпадали, Эва только периодически слышала от общих знакомых, что он собирался се-

годня зайти попозже на Тонин фирменный Предрассветный грог или наоборот, полдня уже тут просидел и ушёл.

И вот наконец-то совпали. Но не у Тони, а просто на улице. Эдо Ланг налетел на Эву, когда они с Карой пили кофе в Ужуписе, дерзновенно удрав со своих работ. В буквальном смысле слова свалился на голову, споткнувшись об Эвин стул.

Зима в этом году была такая тёплая, что владельцы кофеен не стали убирать тенты и уличные столы; Эва уже и забыла, когда последний раз сидела внутри. Возле «Кофе-вана» тротуары настолько узкие, что прохожие практически обречены спотыкаться об столы и ноги сидящих, но Эдо выступил круче всех. Шёл, не разбирая дороги, врезался в Эву на полной скорости и рухнул отчасти ей на колени, а отчасти на стол, с которого ловкая Кара успела убрать картонные стаканчики с кофе; впрочем, она так смеялась, что половину всё равно разлила. Эдо тоже смеялся, подбирая упавший на землю плеер, и нарочито, преувеличенно, как персонаж мультфильма кривился, растирая ушибленные места.

Только Эве было совсем не до смеха. Какой смех, когда человек вот так веселится, гримасничает, радуется неожиданной встрече, а сам уже практически мёртв. Присутствие смерти ощущалось в Эдо столь мощно и властно, словно та уже его забрала. Правда, запаха смерти не было. Но это как раз понятно, – думала Эва, – он же не совсем человек. В

смысле, родился на изнанке реальности. Они только с виду обычные, а на самом деле, всё-таки совершенно другие. Не чета нам. Кара рассказывала, у них даже дети рождаются только если этого сильно захочет мать; возможность родить «по залёту», когда не хочешь детей, кажется им полным абсурдом. На слово верят, но не могут представить, как такое возможно технически. Зато с идеей непорочного зачатия у них никаких проблем. Ну да, – говорят, – иногда случается, если женщина влюбится по уши в того, кто не хочет с ней спать. А смерть у них там лёгкая и счастливая и со стороны выглядит не трагедией, а сказочным чудом: умер человек и тут же исчез. Короче, всё самое важное у этих красавцев с изнанки не как у людей.

И поэтому, – наконец осознала Эва, – надо ему сказать. Пусть домой идёт, срочно. Немедленно. Если уж всё равно умирать, лучше там.

С лицом у Эвы при этом, понятно, такое творилось, что Эдо, взглянув на неё, мгновенно перестал смеяться. Спросил:

– Я вас больно ушиб?

Эва отрицательно помотала головой.

– Вообще не ушибли. Я просто... – она осеклась, потому что, господи боже, как, ну как человеку такое сказать?!

До сих пор судьба Эву щадила. Среди её близких, друзей и просто знакомых ещё ни разу не оказывалось обречённых почти-мертвецов, и ей не приходилось делать выбор – ска-

зять как есть? промолчать? срочно придумать повод остаться рядом, чтобы помочь хорошо уйти? Но рано или поздно это, конечно, должно было случиться. Бессмертных здесь нет.

Теперь и Кара встревожилась.

– Ты чего?

Эва взяла себя в руки. Говорить такое ужасно, но молчать в сто раз хуже, когда имеешь дело с человеком, которому не всё равно, где умирать.

– Вам домой, на Эту Сторону надо срочно, – сказала она Эдо. – Я в вас чувствую смерть. Это значит, что вы очень скоро умрёте. Простите, пожалуйста, но такое лучше сказать, чем нет. Мне, к сожалению, можно верить. Спросите Кару, она подтвердит.

Кара произнесла таким бесцветным, далёким, до жути спокойным голосом, словно сама только что умерла:

– Пошли, дорогой. Здесь рядом улица Онос Шимайтес. Там открытый Проход, но я тебя всё равно провожу.

Эдо Ланг улыбнулся с неуместным в его положении облегчением:

– Ну и слава богу, что не ушиб. А на мою погибель забейте. Я знаю, что вы в этом вопросе эксперт. Такого про вас наслушался – спасибо, что не на ночь рассказывали! Вы нереально круты. Но со мной совсем другая история. Я недавно вдохнул немного жизни в одного мертвеца. А взамен получил от него немного смерти. Но там такой отличный мертвец, что «немного смерти» в его исполнении оказалось про-

сто дополнительным шилом, сами знаете, где.

Он обнял Кару, всё ещё пепельно-бледную, поцеловал в макушку. Сказал:

– Спасибо, дорогая. Очень круто, что ты так испугалась. Я тебя тоже люблю. А теперь прекращай немедленно. Я серьёзно. Что я теперь немножко покойник, и это не ужас-ужас, а хорошая новость, мне сообщило твоё начальство, когда я вернулся из Элливаля. Первое, что я услышал от Стефана: «О, у нас наконец-то начался зомби-апокалипсис, ура!» – ну, ты его знаешь, он своё не упустит. Если появилась возможность довести кого-нибудь до цугундера, обязательно доведёт. Но потом нормально всё объяснил. Короче, девчонки, столько смерти, сколько в моём организме содержится, для здоровья не вредно. Даже наоборот. Вместо поминок могу угостить вас кофе. Ваш всё равно отчасти на тротуаре, а отчасти уже остыл.

Эва не успела опомниться, как Эдо скрылся в кофейне. Она растерянно посмотрела на Кару:

– Он это серьёзно? Правда, что ли, бывает так?

– Понятия не имею, – вздохнула Кара. – Но если Стефан считает, что всё нормально, значит, так и есть. По крайней мере, из Элливаля Эдо вернулся, как новенький. Снова может жить дома, сколько захочет, не тает, как люди Другой Стороны. Ты же знаешь его историю?

Эва молча кивнула. Подумав, сказала:

– Может, я поэтому запаха смерти от него не почувство-

вала? Только её присутствие, зато очень близкое. Так бывает, когда провожаешь тех, кто уже давно умер. Так что, наверное, всё сходится. Ох.

Эдо Ланг принёс кофе так быстро, словно три порции были готовы заранее, осталось только их оплатить. Поставил на стол, снова убежал и вернулся со стулом. Сел, окончательно перегородив тротуар, не оставив прохожим ни единого шанса обойти их, не свернув на проезжую часть. Сказал Каре:

С тебя коньяк, дорогая, по случаю моего чудесного воскрешения. Или виски. Или что скажешь. Короче, что у тебя сейчас во фляге, того мне в кофе и подлей.

– Кальвадос, – усмехнулась Кара. – По-моему, с кофе не очень-то сочетается. Но если хочешь, давай поделюсь.

– Делись, – кивнул он. – Я только сейчас осознал, как набегался и замёрз.

Кара щедро плеснула в его стакан кальвадоса из фляги. Эдо попробовал и просиял:

– Слушай, а по-моему, гениально сочетается. Когда я был голодранцем и пил самый дешёвый кофе, чего только туда ни кидал, чтобы перебить гадский вкус. С яблоком получалось лучше всего, особенно с кисленькой дичкой, которую на улице подобрал. И с кальвадосом очень похоже: кофейная горечь и чуть подгнившее яблоко. Зашибись.

Эва протянула Каре свой стакан:

– Тогда и мне.

– Дурной пример заразителен! В рекламе могу работать! – обрадовался Эдо. И тут же отчаянно замотал головой, словно перед ним на стол контракт положили: – Ой, нет, упаси боже! Ужас какой.

– Да чего нас бояться, – усмехнулась Эва.

Эдо Ланг посмотрел на неё с таким интересом, словно впервые увидел.

– Хотите сказать, вы в рекламе работаете?

– Ну да, – кивнула она.

– В обычной рекламной конторе? Серьёзно?

– А что тут такого? – удивилась Эва.

– Я почему-то был совершенно уверен, что вместе с Карой у Стефана. Ну или не вместе. Но там. В этой смешной мистической организации, которая зачем-то прикидывается полицией. Я, кстати, спрашивал Стефана, какого чёрта этот его чёрно-белый вигвам существует под видом полиции? Что для смеху это понятно, но полиция – не единственный вариант. В качестве фитнес-центра или риелторского агенства его контора тоже выглядела бы смешно.

– А что он тебе сказал? – оживилась Кара. – Потому что мне – ничего интересного. «Для симметрии, как у вас. Чтобы твоей бухгалтерии было проще командировочные выписывать». А то типа иначе было бы сложно! Полная ерунда. Командировочные мне и моим сотрудникам начисляют просто за сам факт работы на Другой Стороне.

– Мне он тоже сперва заливал про симметрию. Раз на из-

нанке организация, которая защищает граждан от неприятных гостей из иных реальностей и другой мистической хрeноты, называется «полицией», то и здешний аналог логично так называть. Но потом признался, что втайне надеялся, если назвать себя и своих помощников словом «полиция», да ещё и в настоящем полицейском комиссариате засесть, возможно, это со временем изменит природу настоящей местной полиции. Сделает их такими же отличными чуваками. Симпатическая магия, страшная вещь. Причём, по его словам, это даже вроде бы действует, только очень уж медленно. Материя, зараза такая, инертна, и хоть ты что. Но может, лет через двести местная полиция окончательно мутирует в лучезарных спасителей мира. Или хотя бы просто в милых людей.

– Милые люди там, кстати, уже сейчас попадаютcя, – заметила Кара. – Не то чтобы каждый второй... хотя, знаешь, по сравнению со здешней милицией времён моей юности, вполне может быть и второй. Это, что ли, Стефанова симпатическая магия так на них действует? Чокнуться можно. Хотя у Стефана вообще всё работает. Включая то, что в принципе не может и не должно.

Эдо слушал её, а смотрел при этом на Эву так пристально, что ей стало неловко. Казалось почему-то, что он насквозь её видит. Причём не только мистические способности и прочее величие духа, но и, к примеру, что у неё под шапкой немытая голова.

– Вы же у нас жить можете! Не превратитесь в незваную тень, – вдруг сказал он, да так торжествующе, словно это было его личной заслугой.

Надо же, угадал.

– Откуда ты знаешь? – подпрыгнула Кара. – Я точно тебе не рассказывала. Кроме Ханны-Лоры вообще никому.

– Да просто вижу, – пожал плечами Эдо. – Зря я, что ли, учился видеть линии мира? Глупо было бы такой удивительный навык продолбать. Постоянно на всё и на всех теперь так смотрю, просто для тренировки. Одно неудобство: по улице стало пройти невозможно, сохранив душевный покой. Влюбляюсь по уши в каждого. Ужас, на самом деле. Почему-то не принято на незнакомых людей бросаться и тискать их, как котят. И совершенно напрасно. Им щекотно, а мне ликование. Знали бы люди, какие они золотисто-зелёные, как сияют и как красиво текут!

– Ханна-Лора мне когда-то давно примерно то же самое говорила, – вспомнила Кара. – Что все люди невероятно красивые, когда видишь линии мира, из которых они состоят. Глаз не оторвать. И смеялась: тебе такого точно не надо, ты и так вечно в кого-нибудь влюблена.

– Вы состоите из двух разных материй, – наконец сказал Эдо Эве, которая слушала их, как ребёнок взрослые разговоры – ничего толком не понимая, но лопааясь от любопытства. – Из обычной, условно золотисто-зелёной, из которой здесь вообще всё, и ещё из похожей на нашу, только гораздо

более яркой. Выглядит, как сверкающие на солнце алмазные стежки. Это, наверное, от вашего... скажем так, хобби. Или наоборот, ваши способности – естественное следствие такого устройства? Точно не знаю, я только начал со всем этим разбираться. Но готов спорить, что эти стежки не дадут вам растаять на изнанке. В смысле, у нас.

– Так и есть, – кивнула Кара. – Мы с Эвой несколько раз проверяли. В последний раз она все выходные у нас провела. То есть, больше двух суток. И спала нормально, как дома. Ясно с ней всё.

– Шикарно мы с вами устроились! – улыбнулся Эдо. – Одной задницей на два базара, в смысле, в двух реальностях сразу, не надо что-то одно выбирать! – И вдруг, совершенно без перехода, дёрнулся, как от боли, закрыл лицо руками и сказал, запинаясь, почти неразборчивой скороговоркой: – Вы прекрасней всех в мире. Никогда ещё такого не видел. Вы мне нужны позарез. И я вам тоже. Приезжайте, пожалуйста, в Элливаль.

– Куда? – опешила Эва.

А Кара спросила встревоженно:

– Кто это говорит?

– Правильная постановка вопроса, – не отнимая рук от лица, но уже вполне своим голосом ответил ей Эдо. – Всю жизнь, прикинь, люто завидовал Тони Куртейну, что он такой крутой, и у него есть двойник. И как бы две жизни сразу. Дозавидовался, блин! Получите и распишитесь. Тонин, по

крайней мере, не говорит его голосом. И к девчонкам от его имени не пристаёт. Только по-свойски припахивает чистить картошку, когда тот в гости приходит, но это, по-моему, не очень-то страшное зло.

Рассмеялся, растопырил пальцы, выглянул из-за них, как узник из-за решётки. Сказал Эве:

– Извините меня, пожалуйста. Я совершенно согласен, что вы прекрасней всех в мире, но это сейчас не я говорил, а смерть моя ненаглядная. Тот самый мёртвый чувак. Вот уж к чему меня точно жизнь не готовила – что однажды кто-нибудь посторонний моими устами начнёт вещать. Мы так не договаривались! Экспериментатор хренов. Но ничего не могу с ним поделать. Он, понимаете, древний жрец. Вроде реально великий, о нём даже в учебниках пишут; лично я древнюю историю толком никогда не учил, но мой друг, который на этой теме натурально помешан, много интересных сплетен мне рассказал. Это я всё к чему: Сайрус, конечно, чудовище. И, как вы только что убедились, невысказанное хамло. Но слушайте, если он зовёт, надо ехать. Я бы точно поехал. Да пешком бы босой пошёл! И кстати. Он же, кроме всего, ваш коллега...

– В рекламе, что ли, работает? После смерти?! На том свете бывает реклама? Реклама – чего?! – изумилась Эва. И, сама того не желая, разрядила обстановку. Эдо и Кара хохотали так, что чуть не опрокинули многострадальный стол.

– Скорее уж в бюро путешествий, – наконец сказал Эдо. –

Провожает незванные тени в последний путь. В Элливаль, понимаете, часто люди с Другой Стороны забредают. Из Барселоны...

– Из Барселоны? Господи, как?!

Эва вообще-то знала от Кары, что кроме Вильнюса есть другие граничные города, где открыты Проходы между Этой и Другой стороной. Даже как-то расспрашивала, какие именно, но почти ничего не запомнила. Подобная информация почему-то не укладывается в голове. Каждый раз удивляешься заново, как впервые. То есть, пока сидишь, к примеру, в «Совином сне» на Серебряной площади, на изнанке реальности и слушаешь Кару, всё это звучит более-менее нормально. Но потом возвращаешься домой, ложишься спать, а наутро снова почти не веришь себе.

Эдо сочувственно улыбнулся:

– На вашем месте я бы тоже сейчас охренел. Ну да, Барселона – тень Элливаля. Или наоборот, Элливаль её тень. Неважно. Факт, что люди, гуляя по Барселоне, иногда случайно оказываются в Элливале. Я, собственно, сам так туда попал. А обратно выйти не могут: с той стороны Проходы открыты только для мёртвых. Непростое место наш Элливаль. Долго объяснять, да сейчас и неважно. Важно, что люди Другой Стороны там тают и исчезают; традиционно считается, что с концами, в полное небытие, но вроде бы всё-таки нет. Сайрус их всегда провожает, как вы своих мёртвых. В какие-то прекрасные удивительные места. То ли они там

рождаются заново, то ли так и живут счастливыми призраками, этого я не знаю. И как я понимаю, вообще никто.

– Я про мёртвых тоже не знаю, – кивнула Эва. – Только в том и уверена, что со мной они уходят лучше, чем было бы без меня.

– Да, именно. Сайрус примерно то же самое говорит.

– Мёртвый не знает, что случается после смерти?!

Эве казалось, что она больше не может удивляться, столько удивления сразу невозможно в себя вместить. Но тут у неё натурально открылось второе дыхание. Ещё как смогла!

– Да, – усмехнулся Эдо. – Сам до сих пор в шоке. Я-то надеялся всё из первых рук разузнать! Но мертвецы Элливаля после смерти навсегда остаются в своём городе рядом с живыми, поэтому о настоящей смерти знают не больше нас.

Он достал из кармана телефон, посмотрел на экран, ужаснулся:

– Ну я красавец! Увидел девчонок, забыл всё на свете, и ну триндеть. А у меня через полчаса лекция. Причём дома. И туда ещё надо как-то попасть.

– Ближайший Проход на Онос Шимайтес, – напомнила Кара. – Выйдешь всего в четырёх кварталах от гуманитарного корпуса. Лекция же там?

– Спасибо, дорогая, – улыбнулся ей Эдо. – Самое смешное, что туда я и шёл. Решил в кои-то веки прийти заранее. С хорошим запасом. Чтобы перечитать конспекты и вспомнить, о чём сегодня по плану надо вещать. Ладно, чёрт с ни-

ми, с конспектами. Импровизация – моя сильная сторона.

Вскочил, почти опрокинув свой стул, подхватил его на лезу и унёс в кофейню. Выскочил оттуда буквально через секунду, взмахнул рукой и пошёл, практически побежал, но на ходу обернулся и крикнул Эве:

– Обязательно мне позвоните. Я сам точно забуду. Не потому что неважно. Важнее всего на свете! Просто жизнь в последнее время такая прекрасная, что у меня не выдерживает башка.

Эва с Карой молча глядели ему вслед, невольно прикидывая, не взлетит ли он, как следует разогнавшись. Но не взлетел, а просто за угол свернул.

Наконец Эва спросила, шепеляво копируя дебила из старого анекдота:

– Мама, фто эта было?

– Это, – строгим преподавательским голосом ответила Кара, – был чокнутый профессор по имени Эдо Ланг, который зачем-то подался в медиумы. Может теперь на ярмарках выступать.

Эва допила остывший кофе, там всего-то глоток оставался. Почти невыносимая горечь и яблочный вкус. Положила руки на стол, голову опустила на руки. Спросила почти беззвучно:

– А этот Элливаль далеко?

Но Кара её всё равно услышала.

– Полторы сутки на поезде. На машине быстрее, если, конечно, водитель нормальный, – сказала она. И помолчав, добавила: – Если захочешь съездить, свистни. Служебную машину с водителем я тебе запросто могу организовать.

– Ты серьёзно? – спросила Эва.

Хотела добавить: «Думаешь, надо ехать? Только потому что какой-то мертвец позвал? Или вообще никто никого никуда не позвал, просто Эдо так шутит? Он, по-моему, изначально был с прибабахом, а теперь совсем странный стал». Но промолчала, потому что – ну, Кара есть Кара. Сама понимает, что сейчас творится у неё в голове.

– Я-то серьёзно, – без тени улыбки ответила Кара. – А ты?

– Я думаю, это чушь собачья, – сердито сказала Эва. – Закрывать лицо руками и вещать потусторонним голосом я и сама могу. Но прокатиться по изнанке реальности в твоей служебной машине... О боже. Что ж я, дура совсем – упустить такую возможность?! Короче. Прямо сейчас меня точно с работы никто не отпустит. Но примерно в начале апреля отпуск возьму.

Стефан

февраль 2020 года

– Эй, ты чего меня игнорируешь?

Стефан открывает рот, чтобы спросить: «Кого?» – и в этот момент наконец ощущает прикосновение Бездны, пожалуй даже несколько чересчур упоительное для разгара рабочего дня. Ближе к ночи было бы просто отлично, но сейчас-то мне нужна ясная голова... или, получается, уже не нужна? – весело думает Стефан, пока ухватившая его под локоть высокая рыжая тётка в очках ускоряет шаг, ещё ускоряет, и вот они оба уже бегут вниз по склону холма, всё быстрее и быстрее, бесстрашно и нерасчётливо, как бегают дети, ещё не смирившиеся с законом всемирного тяготения и твёрдо уверенные, что если как следует разогнаться, можно будет взлететь.

Но никто никуда не взлетает, по крайней мере Стефан не ощущает полёта, только стремительный бег, а что буквально полминуты спустя он останавливается аж на набережной Нерис, так это совершенно нормально. Стефан и сам так бегать умеет, чего тут не уметь. Но для того, кто вечно всё делает сам, лучший подарок – внезапная помощь, о которой даже в голову не пришло бы просить.

– Ну ничего себе, как ты незаметно подкралась, – одобрительно говорит он Бездне. – Что тот трындец.

– Да, – лаконично соглашается Эна. И прыгает в реку. Не с головой ныряет, а просто спрыгивает с парапета, как с табуретки. Здесь у берега ей по колено всего.

От удивления река Нерис замирает. То есть прекращает куда-либо течь.

– Ладно тебе, – снисходительно говорит Бездна Эна. – Нашла чему удивляться. Кто только в тебя на твоём веку ни нырял.

С этими словами она садится на воду, как в кресло, или, предположим, диван. И призывно хлопает ладонью по водной поверхности, выразительно глядя на Стефана – дескать, давай сюда.

– Вот этого, кстати, я не умею, – признаётся Стефан. – Просто не пробовал до сих пор.

Но входит в реку и усаживается рядом с Эной. Некоторое время критически морщится, тщетно пытаясь изобразить недовольство, наконец признаётся:

– Очень удобно. И даже почему-то не холодно и не мокро. Короче, лучше, чем просто на лавке, ты абсолютно права.

– Я не ради удобства это затеяла, но рада, что тебе нравится.

– Если не ради удобства, то зачем? Чтобы меня научить?

– Да ты сам всему, чему надо, научишься. А чему не надо

– тем более. Просто в этой вашей реальности некоторые разговоры следует вести у реки, чтобы вода сразу уносила всё сказанное. А некоторые – только когда ты сам течёшь, как река. Ну что, дорогой, потекли?

Стефан внутренне содрогается, невольно прикидывая, что это за разговоры такие. И одновременно жмурится от удовольствия, потому что течь оказалось очень приятно. Хорошее дело – течь, как река.

– Странно всё-таки, что я твоё приближение не почуял, – наконец говорит он Эне, просто чтобы потренироваться говорить в таком состоянии. – Или ты специально тайком подкралась, чтобы устроить сюрприз?

– Не специально. Просто вот настолько мало меня здесь осталось, – безмятежно отвечает она.

– Тебя мало осталось? Как это может быть?

– Я уже ухожу. А уходить отсюда, будучи мной, приходится постепенно, чтобы не оставлять по себе совсем уж большую дыру. Мне, пожалуй, скорее нравится. Интересный процесс. Когда ты уже отчасти дома, а отчасти ещё в этой вашей смешной реальности, та часть, которая тут задержалась, испытывает разнообразные занятные чувства, которых никаким иным способом уже не получится испытать. Не то чтобы совсем незнакомые, скорее, давно забытые. Из тех времён, когда я ещё совсем начинающей глупой маленькой Бездной была.

– Например? – спрашивает Стефан, настолько огорошенный новостью, что ему бы сейчас, по-хорошему, напиться, подраться, упасть и выспаться, а уже потом разговор продолжать.

– Например, я по вам скучаю, – то ли смеётся Эна, то ли журчит река. – Представляешь, заранее начала! Что, впрочем, вполне разумно в моём положении: хрен я буду скучать, когда уйду целиком. И ещё Тони ужасно жалко: я его, получается, подвела. Обещала, что до окончания срока контракта буду ему помогать. Но контракта, к сожалению, недостаточно, чтобы здесь меня удержать. Скорее всего, потому, что контракт подписан не с настоящей реальностью, а только с наваждением класса эль-восемнадцать, где я не сижу безвылазно. Даже, будем честны, не каждый день туда захожу. Ну, кто же знал, что это имеет значение...

– Хочешь сказать, ты не знала?!

– Скорее, забила на это знание. Я, положила руку на сердце, так себе бюрократ. При всём уважении к хаосу, который поддерживается правилами и законами, я всё же адепт порядка. То есть, радости во всех присущих ей формах. Особенно в некоторых. Тех, которые созданы для меня!

– Так вот, оказывается, что такое порядок, – ухмыляется Стефан. – И вот что такое хаос, если на то пошло.

– А то ты не знал!

– Вообще-то не знал.

– А жил так, словно знаешь. Вон какой отличный бюро-

кратический хаос развёл в этом городе, оккупировав ни в чём не повинный полицейский комиссариат.

– Ну, это да, – невольно улыбается Стефан. – Причём исключительно смеху ради. В этом городе всегда было очень уж много боли. Слишком – даже по человеческим меркам. А смех – единственное, что может если не отменить, то хотя бы уравновесить боль.

– В этой реальности – да, пожалуй, – подумав, кивает Эна. – Так-то ещё варианты есть. Но главное, всё у тебя получилось. На мой взгляд даже чересчур хорошо! Теперь-то можно правду сказать: я влюбилась. Пришла с рядовой проверкой соответствия статусу и втрескалась по уши в то безобразие, которое ты с этим городом сотворил. Поэтому и задержалась вопреки законам Вселенной и просто здравому смыслу. Каких только глупостей мы ни творим из любви!

– Даже жалко, что мы сейчас течём, как река, – вздыхает Стефан. – Мне бы человеческим телом почувствовать всё, что в подобных случаях положено чувствовать. Услышать такое от Старшей Бездны – кто бы мне сказал, что это однажды случится, не поверил бы! А если бы даже поверил, всё равно не смог бы представить, что мне придётся для этого натворить.

– Если бы мы не текли, я бы и не сказала, – снова смеётся Эна. – Ещё чего! Хитрый какой. А что натворить – ну вот, теперь знаешь. Просто-напросто быть тобой в этом городе. Впрочем, не сомневаюсь, в любом. Какой подвернётся под

руку, там бардак и устроишь. Этому просто повезло... Знаешь, о чём я жалею? Эй, не делай такое лицо, словно грядёт великое откровение – о чём способны сожалеть Старшие Бездны. Естественно, ни о чём! Но вот прямо сейчас, когда меня здесь так мало осталось, что мне не чуждо кое-что человеческое, в первую очередь, дурь, я жалею, что у тебя нет власти над миром. Вот честно. Отличный получился бы мир. Сама понимаю, что тебе такой обузы даром не надо. Максимум, последуешь моему совету и приведёшь духов-хранителей в другие граничные города. Больше ты делать не станешь, хоть тресни. Да и не сможешь, пожалуй, не тот пока у тебя масштаб. Поэтому ладно, гуляй без власти над миром, не стану насильственно ею тебя наделять. А по несбывшемуся я потом, попозже поплачу. Когда здесь останется совсем мало меня.

Вот сейчас Стефан рад, что не пришлось слушать всё это человеком. Потому что о чём может плакать Старшая Бездна над несбывшимся миром, человеку, каким бы крутым шаманом он ни был, лучше не знать. А пока течёшь как вода, можно. Всё можно. Что ей сделается, воде.

– На самом деле не о чем сокрушаться, – как ни в чём не бывало улыбается Эна. – Даже той глупой девчонке с чувствительным сердцем, в которую я, по моим расчётам, под конец превращусь. Этот ваш мир и в сбывшемся варианте очень красиво устроен. Просто надо быть опытной веч-

ной Бездной, чтобы оценить его противоречивую, мучительную красоту... Ладно. Пора возвращаться, пока мы, заболтавшись, не впали – во что там впадает Нерис?

– В Неман, – откликается Стефан. – А что, мы уже до него дотекли?

– Пока ещё нет. Но можем. Да чего мы только не можем! – смеётся Эна. – Но вот прямо сейчас из всего многообразия наших с тобой возможностей важнее всего способность течь вспять. И кстати, вот что ещё я сказать хотела, пока мы не на берегу. Если после того, как я уйду окончательно, на моё место кто-то заявится и потребует компенсации...

– Компенсации? – переспрашивает Стефан. – Какой, к собачьим чертям, компенсации? За что?!

От удивления, возмущения, но больше всего от того, что на самом деле он уже знает ответ, Стефан перестаёт быть водой и становится – правильно, человеком, который вполне беспомощно барахтается в ледяной, как ей в феврале положено, полноводной, быстро текущей реке.

Эна заходится хохотом, поэтому приходит на помощь не сразу, а несколько бесконечно долгих секунд спустя.

– Извини, – говорит она после того, как Стефан снова благополучно принимает форму потока. – Я сама думаю, что смеяться над чужими неприятностями – свинство. Но ты бы видел, как шикарно это выглядело со стороны!

– Примерно могу представить, – соглашается Стефан. – Ладно, я сам дурак, что утратил контроль, когда ты сказала

про компенсацию. Это, знаешь, как если бы страшный сон оказался ещё и пророческим. Я же и сам об этом думал не раз. Нам пока не положено, чтобы среди нас жила Старшая Бездна, верно? Рылом не вышли. В смысле, не высшие духи. Даже не карикатуры на них. Не того уровня здесь реальность, чтобы такую роскошь нам позволять. И теперь тот, условно говоря, божественный свет, что на нас нелегально пролился за время твоего пребывания... Его что, будут из нас вычитывать?!

– Скажем так, могут попробовать, – отвечает рыжая тётка, помогая ему выкарабкаться на берег. – Но ты учти: вы не обязаны ничего отдавать. Я, конечно, так себе бюрократ, однако законы Вселенной знаю. Будучи воплощённой Бездной, странно было бы их не знать. Так вот, согласно им, ты не обязан сдаваться. Сдаваться вообще никто никогда не обязан – это приоритетный закон.

– Нашла кого уговаривать, – невольно улыбается Стефан. – Я вообще никогда не сдаюсь.

Люси, Зоран

февраль 2020 года

– В этом дворе... – начала Люси, но сама себя перебила: – Нет, пока не скажу! Может, сейчас всё получится. Тогда объясню потом.

– Что получится? Что ты мне объяснишь?

Но Люси демонстративно закрыла рот руками, как обезьянка «никому ничего не скажу».

Зоран ничего не понял, но на всякий случай заранее обрадовался. Он уже привык, что когда гуляешь с Люси по Другой Стороне, то и дело случаются разные мелкие, приятные или просто нелепые чудеса – то мимо пролетает прозрачная птица, то из ветхого деревянного сарая выходит шикарно одетый старик, объявляет: «Вам подарок от заведения», – и вручает два бокала шипучего розового вина, то в зеркальном стекле витрины вместо их отражений появляются клоуны в гриме, словно бы кисти Бюффе³, то в совершенно пустом дворе на клумбе, горит, шипит и плюётся холодными брызгами воткнутый в землю здоровенный метровый бен-

³ Бернар Бюффе (*фр.* Bernard Buffet) – французский художник, ключевая фигура в направлении, называемом мизерабилизм (*фр.* *misérabilisme* от *miserable* – несчастный).

гальский огонь. Словно они попали в волшебный город из детской сказки, а не гуляют по Другой Стороне, которая вообще-то считается крайне унылым местом, где материя так яростно сопротивляется любому проявлению магии, что та уже давно отчаялась тут проявиться и махнула на эту реальность рукой.

Но мало ли, что считается. На практике оказалось, этот город на Другой Стороне полон чудес.

Зоран обнял Люси – просто так, потому что можно, и привыкнуть к этому факту гораздо труднее, чем ко всем остальным чудесам. Спросил:

– Сейчас кто-то ка-а-а-ак выскочит? Или вылетит? Или твой василиск наконец-то оторвётся от телевизора, вызовет такси и сюда приедет, чтобы лично сказать нам человеческим голосом: «ррры»?

Но ничего особенного не случилось, только из дальнего подъезда вышла женщина с девочкой лет пяти в розовой шубке и шапочке с кошачьими ушками. Женщина остановилась, что-то набирая на телефоне, а девчонка подбежала к ним и строго, явно подражая кому-то из взрослых, спросила Зорана: «Ты зачем эту тётю схватил?»

Он чуть не рассмеялся от неожиданности. Но удержался, потому что помнил, как сам обижался на взрослых в детстве – в обоих, мать его, детствах! – когда они смеялись над ним. И ответил с максимально возможной серьёзностью:

– Я её похищаю, потому что влюбился по уши на всю

жизнь.

– А, как разбойник в принцессу, – понимающе кивнула девчонка и вприпрыжку помчалась к матери, которая как раз убрала в карман телефон.

– Или наоборот, – сказал ей вслед Зоран. И с удовольствием повторил, теперь уже только для Люси: – Или наоборот.

– Спасибо, – растерянно откликнулась та. – Принцессой мне даже в детстве быть не хотелось. У них, понимаешь, всюду какие-то лишние бантики, рюшечки и сраные кружева.

– Даже не знаю, как ты теперь будешь выкручиваться, – сказала Люси, когда они засели в первом попавшемся баре, где подавали глинтвейн. Плюс четыре – райская температура для февраля, но когда очень долго гуляешь по этому раю нараспашку, без шапки, в финале прогулки внезапно понимаешь, что раем всё это время ловко прикидывался самый настоящий ледяной ад.

Впрочем, в баре топили так щедро, что они мгновенно согрелись. Прежде, чем принесли глинтвейн.

– Выкручиваться? – удивился Зоран. – А надо? Зачем?

– Я же тебе про тот двор так и не рассказала. А про него есть отличная байка. Не моего сочинения, если что, а из книги. Правда, несуществующей.

– Из несуществующей книги?! – восхитился Зоран.

– Да. То ли эта книга могла появиться при каком-то особом стечении обстоятельств, но не сложилось, то ли просто

её издадут когда-то потом. Факт, что пока этой книги нету. Но в каком-то смысле, она всё-таки есть. Один мой приятель... ну как – приятель, на самом деле он здесь кто-то вроде духа-хранителя местности...

– Уже хорошо.

– Да не то слово, – вздохнула Люси. – С другой стороны, знаешь, вряд ли это более странно, чем тот факт, что ты родился в двух реальностях сразу. И тот, что мы с тобой здесь вместе сидим. Так вот, этот тип, цинично пользуясь своим положением неизъяснимого мистического явления, собирает библиотеку несбывшихся книг. Правда, пока в его собрании всего четыре экземпляра. Не так уж много в нашем городе нашлось несбывшихся книг такого масштаба, что сами способны хотя бы отчасти материализоваться, обнаружив, что глупому человечеству пока не до них. Там сборник киносценариев, кулинарная книга, автобиографии призраков, записанные под их диктовку каким-то общительным медиумом, и жемчужина коллекции – «Неполный каталог незапертых дворов города Вильнюса». С невероятными иллюстрациями, тебе бы точно понравились. Там тоже мир дрожит, летит и течёт. Короче, меня от неё за уши оттащить не могли. Ну, справедливости ради, особо и не оттаскивали, милосердно дали дочитать. Я теперь на экскурсиях добавляю те байки к своим и дедовским. Изредка. Когда экскурсанты мне по душе.

– С иллюстрациями? – заинтересовался Зоран. – Вот я бы

на них посмотрел!

– Может, ещё посмотришь. С этим моим приятелем такая беда, что он действительно мистическое явление, а не просто псих. По телефону ему не позвонишь, и в гости домой не зайдёшь. Надо, чтобы сам навстречу попался, это единственный вариант. И с кафе, о котором я все уши тебе прожужжала, та же беда – надо, чтобы само на пути появилось. В этом смысле всё сейчас сложно у нас.

Зоран подумал: «Да ну их к чёрту, эти мистические явления, не хотят, и не надо. Главное чудо уже случилось, я тут гуляю с тобой». Но вслух не сказал, конечно. Зачем обижать мистические явления. Пригодятся ещё небось.

– Так что за байка про двор?

– Только не падай. Согласно несбывшемуся «Неполному каталогу незапертых дворов», там к прохожему могут обратиться с любым вопросом, заранее не угадаешь с каким. Задать вопрос может кто угодно – хоть взрослый, хоть ребёнок, как та смешная девчонка, что пристала к тебе. Фишка однако в том, что если прохожий ответит, его ответ немедленно станет правдой, описывающей настоящее положение дел. Даже море появится, если кого-то однажды спросят, как пройти к морю, а ему хватит ума не кричать: «Так оно же аж в трёхстах километрах отсюда», – а ответить: «Идите к Нагорному парку, море сейчас за Столовой горой».

– Ты серьёзно? – опешил Зоран.

– Я-то серьёзно. Насчёт автора книги не знаю. Не прове-

ряла ещё. Меня в том дворе пока ни о чём не спрашивали. Но одного моего экскурсанта спросила старушка: «Вы тут чего ходите?» – он то ли неприятностей испугался, то ли решил пошутить и ответил: «Я здесь живу».

– Ну и что?

– Ну и всё, – усмехнулась Люси. Теперь живёт. У него в том дворе квартира уже много лет. Хотя я помню, как мы договаривались про экскурсию. Он вообще-то приехал из Киева. Впервые оказался в Вильнюсе, по крайней мере, сам так говорил. Но я единственная, кто это помнит. Для всего остального мира тот мужик давным-давно из Киева к нам укатил.

Зоран просиял:

– Так получается, я тебя действительно похищаю? Или даже уже похитил? Вот я молодец! И слушай, это же очень круто, что я сказал не просто «влюбился», а «на всю жизнь». Значит, с любовью всей жизни благополучно улажено. Всё у меня уже получилось, я это имею в виду. Можно спокойно работать и больше не бегать за девчонками. Не отвлекаться на всякую ерунду.

– Эй, – рассмеялась Люси, – рано пока расслабляться! Ну, предположим, похитил. Но вдруг я сбегу?

– Можешь, – вздохнул Зоран. – Я бы совершенно не удивился! Ничего не поделаешь, придётся тогда заново похищать. С другой стороны, хорошо же: динамика, драма. Это называется «развитие отношений». Всё как у людей.

Второе море полунно-зелёного цвета, цвета болиголова, ледяного зелёного цвета, цвета речного рукава

Я

март 2020 года

Я сижу в Тониной забегаловке. По ощущениям, не был у него лет четыреста. Хотя вообще-то весь вечер тут ошивался буквально позавчера.

Сижу я при этом за столом, на стуле, как нормальный человеческий человек. А не, к примеру, на подоконнике. И не на барной стойке, болтая ногами. И не свисаю, как страшный сон с потолка. Так устал, что пришёл и рухнул; хорошо хоть, на стул, а не мимо него. Причём ничего сверхъестественного не делал, всё как обычно: носился по городу ветром, клубился дымом над крышами в тех переулках, где почему-то давно не топили печей, ложился на тротуары густой тёмной тенью невидимого неизвестно чего, снился кому попало и

наяву мерещился всем подряд, обнимал, удивлял, заманивал, смешил, пугал, обольщал. Всё это время был бесконечно счастлив, наверное, поэтому так устал. Для того, кто когда-то родился на земле человеком, счастье, как ни крути, непростая работа. Но я, если что, согласен на этой каторге вечно пахать.

В кафе сейчас пусто. Только мы с Тони, да Карлу приснилось, что он здесь сегодня играет. Это мне повезло: ещё нет полуночи, Карл редко так рано ложится спать, но именно этим вечером лёг и уснул, и теперь ему снится, что он в нашем кафе тапёр. Смешное старомодное слово, и музыка соответствует, чуть ли не Гершвина он играет, ну или не чуть ли, а именно Гершвина, у меня цепкая память на мелодии, но скверная на имена. Короче, чего мне сейчас позарез было надо, то и играет, он очень крутой, наш Карл. Наяву он, кстати, тоже отличный. Я иногда его навещаю – тайком подглядываю в окно или просто иду с ним рядом по улице, как будто нам по дороге; говорят, тем, на кого я часто смотрю, веселее живётся, так что в моём положении грех забывать о друзьях. Наяву Карл не в курсе, что мы знакомы, но иногда мне кивает и улыбается, как, предположим, соседу, или коллеге с бывшей работы, и это до смешного приятно – надо же, всё-таки помнит! В этом смысле я не особо балованный, наяву меня мало кто узнаёт.

– Тебя кормить, – не спрашивает, а утверждает Тони.

– Шаман, однако, – ухмыляюсь я.

И немедленно получаю за это, но не в глаз, а сковородку картошки с грибами. Вернее, полсковородки. Сколько осталось. Тони явно себе нажарил, но поделился с голодным другом, как в старые времена.

– Ничего больше нет, – говорит Тони. – Сегодня у меня выходной. Почему, сам не знаю, но готовить совершенно не хочется. И рисовать не хочется. И даже валяться с книжкой. Чего-то странного хочется. Видимо день такой.

Надо наверное что-то ответить, но я только энергично киваю с набитым ртом. Таким голодным я, кажется, с детства не был. Когда приходишь домой в летних сумерках, набегавшись так, что земли под собой не чуешь, и без лишних вопросов сметаешь всё, что найдёшь.

– Всё ясно с тобой, одной картошкой не обойдётся, – смеётся Тони. – Сейчас сделаю тебе бутерброд. С чем хочешь?

– Со всем миром сразу! – мычу сквозь картошку.

– Значит три бутерброда, – флегматично кивает Тони. – Или даже четыре.

– Сто тысяч!

– Договорились. Шесть.

– А чего тебе странного хочется? В какую примерно сторону? – спрашиваю примерно на середине четвёртого бутерброда, обретя наконец упоительную возможность думать о чём-то кроме продуктов питания и более-менее разборчиво

говорить.

Тони пожимает плечами – дескать, знал бы, сразу бы и сказал. Отворачивается к окну – тому, за которым у нас нечто настолько неизъяснимое, что даже Стефан не горит особым желанием туда залезать. Но тут же разворачивается, смотрит на меня просветлённо, словно только что получил по башке бамбуковой палкой и хитрый коан разгадал:

– А пошли погуляем. Просто, как нормальные люди, ногами по твёрдой земле, не взлетая, не превращаясь, не расползаясь в туман. Не по делу, без всякой цели. Вечность с тобой не гулял.

– Не превращаясь и не взлетая? – смеюсь. – Ногами по твёрдой земле? Вот это, я понимаю, волшебное приключение! Даже не знаю, справлюсь ли. Но вызов принят. Пошли.

Мы выходим из кафе, которое сегодня любезно расположилось на набережной, прямо под Зелёным мостом. Выход наш на этот раз оказался дверью в устье одной из опор. В детстве это было для меня неразрешимой загадкой – зачем в мосте нужны двери, куда они могут вести? Взрослые на мои расспросы неопределённо пожимали плечами: «Наверное, там служебное помещение, или склад», – честно говоря, так себе объяснение. Но теперь наконец-то выяснилось, что там!

– Смешное сегодня место у нас, – кивает Тони, перехватив мой взгляд.

– Ещё смешнее было третьего дня на Кафедре, – вспоминаю я. – Когда я понял, что вышел из колокольни, так ржал, что чуть с лестницы не скатился. Хорошо, что рядом тогда был Нёхиси, он меня на лету поймал.

– А сегодня он куда подевался?

– Улетел во все стороны сразу. По-моему, для Нёхиси побыть стаей чаек – лучший способ расслабиться. Ну, может, на втором месте после кота.

Ночь сегодня фантастически тёплая. В марте у нас обычно настолько тепло не бывает. Только если я у Нёхиси незапланированную оттепель выиграю – в карты, нарды, шахматы, крестики-нолики, или во что ещё нам приспичит сыграть. Но мы на погоду с февраля не играли, отвлеклись на другие дела. И теперь мне до смешного приятно, что тёплая ночь – не моя заслуга. Что это она сама. И сизый сырой туман, который сейчас над водой поднимается – нормальное природное явление, а не спятивший от нежности я. И горьким печным дымом воздух без моего вмешательства пропитался. И совершенно добровольно, без принуждения пахнет солёным морем пресная речная вода. Город у нас молодец, конечно. И физика атмосферы не промах. Отлично вместе справляются без меня.

– Точно. Вот именно этого мне и хотелось, – вздыхает Тони. – Давно я просто так, без дела по городу ночью гулял.

– Это ты зря.

– Ещё бы! – энергично кивает он. – Ничего, я уже поне­многу встаю на путь исправления. Вообще, конечно, смеш­но. Если бы мне в юности предсказали, что однажды я стану хозяином кафе для духов и оборотней, куда нормальный че­ловек разве только во сне попадёт, поверить было бы, пря­мо скажем, непросто. Но в принципе можно. А вот если бы добавили, что от этой волшебной жизни я превращусь в на­стоящего трудоголика, вот тогда я бы точно решил, что врут. Такого со мной случиться не может, точка. Вот просто нет! Я же всю жизнь был беспечным лентяем. Да ты сам наверное помнишь, как удивлялся, что я могу, заработав денег, вооб­ще ни черта не делать, пока они не закончатся, хоть месяц, хоть два подряд.

– Подозревал, что на самом деле ты целыми днями тайно рисуешь, просто никому не показываешь. Ну, как я сам.

– А я – нет. И чувствовал себя при этом отлично, прикинь.

– Да, я тогда в людях совершенно не разбирался. Думал, они или доброго слова не стоят, или примерно такие, как я. Иногда ужасно на тебя сердился – всем остальным не надо показывать, что они понимают, но от меня мог бы и не скры­вать.

– Серьёзно, сердился? – удивляется Тони. – Я не знал. Ты со всеми вокруг по любому поводу страшно ругался, а со мной... ну, буквально пару раз за всё время, да и то не все­рьёз.

– Я старался. Держал себя в руках. Ни хрена не знал то-

гда ни об изнанке реальности, ни, тем более, о каких-то там двойниках, но всегда чувствовал, что с тобой всё как-то непросто. Какой-то волшебный ты человек.

– И сам же заколдовал меня при первом удобном случае, – смеётся Тони. – Чтобы уже никогда не выяснилось, что ты столько лет заблуждался на мой счёт.

– Это да. Ещё чего не хватало – чтобы я и вдруг оказался неправ!

– Фантастически мне повезло, – серьёзно говорит Тони. – Прямо при жизни, без дополнительных реинкарнаций превратиться неизвестно во что! Почти невозможно поверить, что это правда со мной случилось. Я же, на самом деле, до сих пор боюсь однажды проснуться и обнаружить, что просто видел длинный, подробный, диковинный сон.

– Это как раз нормально. Сам иногда боюсь, что мне моя распрекрасная жизнь в горячечном бреде мерещится. И, только не падай, даже Стефан как-то признался, что порой сомневается, не сожрал ли он слишком забористый мухомор.

– Даже Стефан? Ну ни хрена себе. Думал, у нас только я один такой неверующий... сам в себя. Эна, кстати, мне объяснила, что я потому и упыхиваюсь.

– Чтобы не особо задумываться?

– И это тоже. Но главное, мне даже один вечер трудно выдержать без гостей, потому что они – доказательство. Если куча народу приходит ко мне поужинать, значит, я действительно существую и у меня есть моё удивительное кафе. Тео-

ретически, клиенты, готовка и даже усталость под утро тоже могут просто мерещиться. Но меня успокаивают шум, работа и суета, очень уж всё это похоже на настоящую трудную жизнь владельца кафе, как я её себе представляю. Эна, кстати, тоже, как ты, сказала, что это совершенно нормально для человеческого ума. Но посоветовала мне понемногу привыкать жить, полагаясь на собственные ощущения и не требуя никаких дополнительных доказательств. В своё удовольствие. Просто так. В последнее время, вроде, начало получаться.

– Я заметил. Ты крут.

Тони смеётся:

– Что вы все будете делать, когда я достигну дзена?

– Естественно, голодать. В смысле, напиваться на голодный желудок. Отличная перспектива! Будет у нас вместо уютного, практически семейного ресторана мрачный притон для суровых аскетов. Надо подсказать Нёхиси идею рассыпаться на зелёных чертей и весело скакать по присутствующим. Уверен, ему это развлечение не хуже чаек зайдёт. Если Карлу приснится, что он заплутавший в наших болотах клавишник Rammstein, будет совсем шикарно. Но я, конечно, не стану его принуждать. Заранее завидую всем пострадавшим от смены концепции. Мне бы в юности такое хоть раз приснилось, хрен бы кто меня разбудил.

Мы с Тони неторопливо идём по набережной в сторо-

ну моста Короля Миндовга, поднимаемся по ступенькам наверх, но почему-то оказываемся не возле Кафедральной площади, а в самом начале улицы Пилимо, рядом с вокзалом, где на стене старого дома нарисован огромный ярко-жёлтый чувак⁴. Я очень люблю этот привокзальный район, и это, пожалуй, единственное объяснение, почему мы тут очутились. Вообще-то от моста Короля Миндовга сюда идти как минимум полчаса.

– Прости, друг, – говорю я.

– За что? – удивляется Тони.

– Ну ты же хотел гулять человеческим способом, как в старые времена. А получилось – сам видишь, что у нас получилось. Честное слово, я не нарочно. Боюсь, земля в этом городе уже просто привыкла меня хаотически перебрасывать с места на место, как мяч.

– А, ну это нормально, – улыбается Тони. – Тоже как в старые времена. Я имею в виду, раньше такое случалось. Сколько я тебя знаю, всегда. Идём с тобой, к примеру, по Вокечу, сворачиваем на Траку, но почему-то оказываемся на Бокшто, или на Антокольского, в большом проходном дворе. Я сперва списывал на свою невнимательность – заговорился, заслушался, ты же кому угодно можешь голову задурить. Но как-то раз мы шли на вокзал встречать твою подружку, и

⁴ Это граффити по адресу ул. Пилимо 66, авторы которого братья-близнецы из Бразилии известные как OSGEMEOS, уже упоминалось в нашем повествовании. Знаковая городская достопримечательность этот жёлтый великан!

вдруг оказались возле моста в Жверинас, вот тогда я, как говорится, заподозрил неладное. Там всё-таки серьёзное расстройство, такое простой рассеянностью не объяснишь. А ты особо не удивился, сказал: «Ай, да в этом чёртовом городе ещё не такое бывает», – и потащил меня на троллейбус. Вроде даже успели тогда.

– Да, – вспоминаю. – Точно. Со мной такое правда случилось. В основном, когда гулял в одиночку. И с тобой ещё иногда. Причём я почему-то не считал эти внезапные перемещения каким-то великим чудом. Думал, просто лешие водят – ну, как дед рассказывал про леса. Была у меня теория, что когда в лесу строят город, местным лешим деваться особо некуда, поэтому они остаются – в парках, в садах, во дворах. И ведут себя, как привыкли. Но это вполне обычное дело, не настоящие чудеса, – так я думал, что бы со мной ни случилось. Справедливости ради, много же было всякого странного. Всё время что-нибудь этакое происходило. Но мне было не угодить.

– Да, ты был не подарок, – соглашается Тони. – И получается, правильно делал. На месте чудес я бы, блин, тоже с тобой случился! Безотлагательно. Просто чтобы прекратить бесконечный скандал.

– Будешь смеяться, но вышло ровно наоборот.

– То есть по твоим меркам с тобой до сих пор ничего из ряда вон выходящего не случилось?

– Да случилось, конечно. Грех жаловаться. Просто гораз-

до позже, чем, по идее, могло. Стефан мне однажды признался, что заметил меня чуть ли ещё не подростком. Типа я уже тогда был о-го-го. Но он мне не показывался. Только во сне иногда от самых больших опасностей защищал. Не знакомился, ничего не рассказывал, не объяснял, не звал на работу в своё волшебное полицейское подразделение, хотя я, сам понимаешь, за неделю такой жизни всю остальную легко бы отдал. Потому что я, оказывается, всё это время и так на него работал. Ну как, «на него». Получается, на всех нас. Стефан говорит, от моего отчаяния в городе стали открываться проходы в неведомое...

– На Эту Сторону?

– И туда тоже. И ещё чёрт знает куда. Типа того окна в твоём кафе, от которого у меня самого волосы дыбом. И у всех остальных, у кого они есть. Один только Нёхиси туда не суётся исключительно из деликатности, говорит, не хотелось бы там нечаянно всё поломать... Ай, да неважно. Важно, что когда открываются проходы в неведомое, город, где это случилось, получает официальный статус Граничного. В какой-то непостижимой заоблачной конторской книге ставят соответствующую отметку, прикинь. И это каким-то образом расширяет возможности. Как бы даёт жителям этого города привилегию всякую хрень творить – если сумеют, конечно. Но уж у нас-то есть кому это суметь! Для подавляющего большинства горожан ничего от смены статуса не изменилось, но для Стефана, сам понимаешь, да.

– Официальный статус, – зачарованно повторяет Тони. – Привилегии. Отметка в конторской книге. То есть Небесная канцелярия – реально именно канцелярия? Мама. Я сейчас закричу.

– Всегда был уверен, что «Небесная канцелярия» это просто метафора. Ну, типа Стефан так шутит. Он же, в сущности, жуткий тролль. Но Эна говорит, в одном из бесчисленных воплощений воли Вселенной Небесная Канцелярия действительно есть. И конторская книга с пометками. Много книг. Правда, в бесконечном множестве других воплощений нет ничего подобного. И всё это существует одновременно, причём каждый из вариантов как бы отменяет все остальные. Но всё-таки не настолько их отменяет, чтобы они совсем не сбылись. Короче, ужас крошечный у них там творится. Всё есть, ничего нет.

– Ох, – вздыхает Тони. – Погуляли, называется, как нормальные люди! Вроде, чего я только ни навидался и не наслушался, а от таких разговоров сразу башка набекрень. С другой стороны, наверное, именно так и должен чувствовать себя нормальный человек, чей друг по нелепому стечению обстоятельств оказался ужасающим демоном из преисподней и принялся рассказывать про свою тяжёлую демоническую жизнь?

– Ничего, – говорю, – сейчас мы это дело исправим. Поставим на место твою башку. Ты когда в последний раз бухал в подворотне?

– Не поверишь, всего неделю назад. Правда на изнанке реальности. Зато здесь со мной такого целую вечность не было. Или даже две вечности. Не знаю, как вечности правильно сосчитать.

– Смотри, как красиво вышло, – говорю я, доставая из кармана пальто бутылку, которой в начале прогулки у меня совершенно точно не было, почувствовал её приятную тяжесть как раз в тот момент, когда про подворотню спросил. – С одной стороны, в подворотне положено пить портвейн. Классика жанра, я собой натурально горжусь. А с другой, хороший портвейн, португальский. Потому что мы с тобой гурманы балованные, а не пропащие алкаши.

Тони молча берёт у меня бутылку, открывает, как положено профессионалу, одним движением руки, делает несколько жадных глотков – так не вино пьют, а воду в жару. Кривится, словно и правда думал, в бутылке вода, но говорит:

– Портвейн отличный. Но вкус меня огорошил, словно впервые в жизни что-то крепче лимонада попробовал... Слушай, так всё получилось из-за тебя?

– Да не то чтобы всё. Стефан и без всяких там дополнительных статусов несколько сотен лет в этом городе чёрт знает что творил. Но кое-что – да, получается, сдвинулось именно из-за меня. Такое в голове не укладывается. Но Стефан говорит, это просто нормально. А как ещё? Много нас тут таких – из-за которых хоть что-нибудь сдвинулось. Из-за вас

с Тони Куртейном, кстати, тоже сдвинулось – будь здоров. И из-за Эвы, которая в одиночку, полагаясь только на смутные ощущения, без единой путной опоры научилась делать лёгкой и радостной смерть. И из-за Люси, за которой когда-то стали приезжать трамваи с изнанки; сейчас уже не только за ней приезжают, но началось-то это с неё. О профессоре Ланге, который собрал на свою задницу все мистические неприятности обеих реальностей сразу и прямо сейчас у нас на глазах неизвестно во что превращается, уже и не говорю. Стефан уверен, что иначе и не бывает. Нельзя насильно изменить обитаемый мир вмешательством внешней силы. Разрушить можно, а трансформировать – нет. Типа закон природы: мир изменяется только волей существ, которые там родились. Сделать вклад в подобное изменение – самое крутое, что может случиться. С нами оно уже, выходит, случилось. И это неотменяемо. Тоже небось в какой-нибудь конторской книге записано где-то в сияющих небесах.

Эна здесь и не здесь

март 2020 года

Вот теперь точно всё, – говорит себе Эна. – Только тень от меня здесь осталась, да и той уже скоро не будет. Пора собирать чемодан.

Это, конечно, даже не столько метафора, сколько просто дурацкая штука. Зачем чемодан Старшей Бездне? Что она туда будет складывать? Смену белья, сувениры на память, запасные штаны? Полный абсурд. Собственно, это и ценно, Эна любит абсурдные шутки; будь она человеком, можно бы было сказать, что абсурд примиряет её со всем остальным. Но Безднам ни с чем примиряться не надо, поэтому можно любить абсурд бескорыстно, просто так⁵.

⁵ Здесь и далее использована партитура «Либертанго» Астора Пьяццоллы, оранжировка для трубы Джошуа Гомез-Сантизо (Joshua Gomez-Santizo), исполнитель Тине Тин Хельсет (Tine Thing Helseth).

Эна встаёт и выходит из дома, где провела последние – сутки, не сутки? Трудно привыкнуть к местному способу восприятия времени, да и зачем к нему привыкать? Чтобы на вечеринки с друзьями пореже опаздывать, – так объяснил ей Нёхиси, который нелепой концепции линейного времени сам не очень-то рад. Но Эна и так всё всегда делает вовремя. Когда надо, тогда и приходит, так что «не опаздывать» для неё – не резон.

В общем, Эна выходит из дома, где перед этим сколько-то пробыла. Чай тут пила, заодно навела порядок на кухне, потом на диване с книжкой лежала: ей рассказывали, что от этого можно получить какое-то особенное удовольствие, но в чём именно оно заключается, Эна, если честно, толком не поняла. Может, диван оказался неудачного цвета? Или книжка не та?

Эне нравится жить в ненадолго опустевших квартирах, пока хозяева в отпуске, или отлучились ещё по каким-то делам. Будучи Бездной, существом настолько непохожим на человека, что проще назвать его выдумкой, чем связно объяснить, какое оно, об отдельно взятой человеческой жизни с её повседневными радостями и печальми иным способом, пожалуй, и не узнаешь. Но оказавшись в человеческом доме, можно войти в эту жизнь, как в мелкую речку, даже не по колено, по косточку, и ощутить, как она сквозь тебя течёт. Для Эны это примерно как взрослому человеку смотреть мультфильмы – вроде бы полная ерунда, но забавная и

увлекательная. Прямо затягивает иногда.

И хозяева не в накладе. Ну или наоборот, это как посмотреть. Факт, что жизнь в доме, где побывала Старшая Бездна, пойдёт совершенно иначе. Невозможно будет там жить, оставаясь прежним собой. Такое трудное счастье, будем честны, мало кому по силам. Но это вовсе не означает, что не следует давать людям шанс, – так рассуждает Эна. А что по этому поводу думают все остальные, уже не её печаль.

* * *

Эна останавливается посреди улицы, оглядывается по сторонам. Лучшее время суток – ранние синие сумерки, новорожденная, ещё прозрачная тьма. Лучшее время года – ранняя, ещё не наступившая, но уже твёрдо обещанная весна.

– Ты, конечно, страшно зазнаешься, но напоследок скажу тебе правду, – говорит Эна городу, взволнованно обступившему её со всех сторон. – Я в тебя влюблена. Ты удивительный. Лучший из человеческих городов.

Влюблена – вот и правильно, так и надо. Нет никакого смысла находиться во мне без любви. Но почему – «напоследок»? – удивляется город. – Ты что, уезжаешь? Уходишь? Зачем? Хорошо же гуляли! Оставайся тут, да и всё.

– Хорошо – не то слово, – улыбается Эна. – Я бы не отказалась от продолжения. Да время вышло. Пора.

Когда люди умирают, тоже говорят: «время вышло», – огорчается город. – Скольких весёлых друзей я так уже потерял! Но ты же не «люди». Ты – что-то совсем другое. Пожалуйста, не умирай.

– Об этом не беспокойся. Даже если захочу, не получится, – смеётся Эна. – Я сейчас не как умирающий, а как ребёнок, который спешит домой. Не потому, что играть надоело, а потому что позвали взрослые. Это совсем не трагедия, хотя, конечно, обидно бросать игру. Но ничего не поделаешь, позвали, значит позвали. Спорить тут не с кем – в каком-то смысле, я сама же себя и зову. Давай хорошо попрощаемся, чтобы обоим было что вспомнить. Веди меня, куда сам пожелаешь, мой дорогой.

Будь Эна настоящей человеческой тёткой, к ночи пластом бы лежала, так город её загонял. Все холмы ей показывал заново. Этот город до смешного гордится своими холмами, больше, чем всеми достопримечательностями и секретами вместе взятыми. Потому что, – считает город, – дома и дворцы, мосты и подземные ходы мне люди построили, как и положено. А холмы подарила сама Земля!

Эна не возражает, ей холмы тоже нравятся. Впрочем, Эне здесь нравится всё. Она же и правда влюбилась по уши, а не просто решила сказать приятное напоследок. Впрочем, особой разницы нет – всё, что сказано Бездной, сразу становится правдой, даже если изначально, по замыслу это был утешительный комплимент.

А здесь, – говорит Эне город у подножия холма Тауро, – видишь, как светится! Это не фонарь какой-нибудь, а живая звезда. Самая настоящая, с неба упала. Я помню, как она падала. А теперь зачем-то притворяется человеком. Ну пускай, на здоровье, если ей это нравится. Хотя какой из неё человек.

– С этой звездой я знакома, – улыбается Эна. – Он у тебя – да, будь здоров сияет, особенно когда спит.

Ей сейчас ужасно хочется ехидно добавить: «зубами к стенке», – но Эна благоразумно прикусывает язык. Всё-таки город – не человек, человеческих шуток не понимает. Хотя сам-то как раз очень любит подшутить над людьми.

– Давай подойдём поближе, – предлагает Эна. – Только тихо, чтобы он меня не учуял. Так расслаился отлично! Не надо его будить.

Не станем, – соглашается город. – Пусть спит.

Стефан и правда сейчас сияет на холме, как звезда. С ним такое случается, правда, не сказать чтобы часто. Изредка, иногда. Когда, устав, как собака, не от работы, конечно – было бы от чего уставать! – скорее, от бесконечного счастья быть Стефаном, человеком с превзошедшей человеческую судьбой, приходит на холм Тауро, на его северный склон, садится прямо на землю, прислонившись спиной к одному из

деревьев, обычно к старому ясеню, который почему-то очень любит его, и засыпает таким крепким, глубоким сном, что хоть из пушки стреляй, не разбудишь. Вот тогда он и превращается в чистый потусторонний свет, да такой яркий, что даже обычными человеческими глазами его отблеск можно увидеть; впрочем, прохожие обычно думают, что на холме Тауро кто-то разжёл костёр или взорвал фейерверк.

Стефан, конечно, великий шаман, всех насквозь видит, но не знает этого о себе. Зато город знает. И любит Стефана – больше жизни, сказали бы люди, но город есть город, он любит больше, чем холмы, на которых стоит. Не за то, что Стефан его защищает от бед и отвлекает от горестей, не за то, что играет с ним в интересные игры и приводит весёлых гостей, не за то, что со свойственной ему бесшабашной и безбашенной непреклонностью постепенно, камень за камнем, строит ему новую, невиданную судьбу, а за этот потусторонний, ясный, чистый, безжалостный, вечный свет.

Это, конечно, очень красиво. Как всё невозможное, – не говорит, а только думает Эна, поднимаясь на холм. – Порадовал он меня напоследок. А за подарки лучше сразу благодарить.

Садится рядом со Стефаном и очень тихо, чтобы не разбудить, наклонившись к самому уху, начинает – ну, предположим, разглашать служебные тайны. Можно и так сказать. Давать ответы на те вопросы, которые Стефан давно мечтает

узнать. И на другие вопросы – которые он даже не догадался бы ей задать.

Стефан сейчас крепко спит, но однажды он вспомнит что Бездна ему на прощание говорила. Всё, или кое-что, заранее не предскажешь. Ну, тут как со всеми стоящими подарками – сколько сможет взять, всё его.

Но самое главное (и смешное) – вспомнив Энины тайны, он, заранее можно спорить, решит, будто сам до всего додумался. Это Эне нравится больше всего. Лучший подарок для такого человека как Стефан, – весело думает Эна, – так его обмануть. Как бы он ни сиял, я-то вижу его насквозь. Навсегда останется молодым дураком, который обожает убеждать-ся, что он самый умный. И вообще круче всех.

* * *

А вот с мальчишками, – думает Эна, спускаясь с холма, – попрощаться надо бы наяву. Они всё-таки совсем неопыт-

ные балбесы. До сих пор не заметили, как мало меня здесь осталось. Так и не поняли, что я уже ухожу.

Напоследок обязательно надо выпить в хорошей компании, – соглашается город. – Я знаю, где сейчас лучшая в мире компания. Я тебя туда отведу!

Иногда «отведу» в устах этого города означает: «Ты уже там». Это происходит настолько внезапно, что даже выдававшая виды Старшая Бездна совершенно по-человечески говорит: «Ой!» – обнаружив, что стоит в подворотне, тёмной, как её собственные глаза.

– Небось в какой-нибудь конторской книге записано где-то в сияющих небесах, – произносит знакомый голос прямо над Эниным ухом. И практически сразу, дружным дуэтом: – Ой!

Эна хохочет: «Что, напугала?» – эти двое тоже смеются, суют ей в руки бутылку, говорят, перебивая друг друга: «Незабываемое приключение, портвейн в подворотне, классика жанра, здесь – так!» И вдруг, не сговариваясь, оба её обнимают. И Тони вздыхает: «Ёлки, как жалко!» – а его приятель помалкивает, но делает то, что положено делать всякой Бездне, даже той, которая пока всего лишь возможность, смутное обещание, то, что Эна сама в таких случаях делает, повинуясь своего рода инстинкту, врождённой потребности – старается вместить этот момент, встроить его во всей полноте в себя.

Поняли, значит, — думает Эна, почему-то страшно довольная, как училка, у которой вечные двоечники внезапно диктант на четыре с минусом написали. — Лучше поздно, чем никогда. И говорит, памятуя, что в её устах всё мгновенно становится правдой:

— У Бездн короткая память, мы быстро всё забываем. Это нормально, когда с тобой каждый миг происходит сразу весь мир. Но друзей мы помним, конечно. И вас я теперь никогда не забуду. Это вы отлично устроились! О ком всегда помнит Бездна, тот сам — навсегда.

* * *

Эна, тень Старшей Бездны, но с виду всё ещё та же высокая тёмно-рыжая тётка в очках, наслаждаясь каждым последним шагом, идёт по набережной Нерис и слушает музыку, которая доносится пока очень тихо, явно издалека, но понемногу становится ближе, вернее, Эна сама приближает-

ся к источнику звука. От Эны так мало осталось, что слух у неё сейчас почти человеческий, но даже этим, прости господи, так называемым «слухом» можно различить, что музыка живая, не запись. Где-то играет труба.

Шаг за шагом Эна, тень Старшей Бездны, приближается к мосту Короля Миндовга, под которым стоит музыкант. Глаза у Эны сейчас тоже почти человеческие, как слух, поэтому разглядеть музыканта ей удаётся только оказавшись совсем рядом с ним. То есть с нею. Это девчонка. В драных джинсах и чёрной кожаной куртке – ай, хороша. Да не простая, а золотая, гостя с изнанки реальности. Как они сами её называют, с Этой Стороны.

Как Старшая Бездна Эна не видит особой разницы – лицевая, изнанка, всё это милый морок для человеческого восприятия, с её точки зрения, мир един. Но как знаток местных обычаев Эна понимает, что стала свидетельницей удивительного события. Люди с изнанки сюда, конечно, часто заходят. Но в основном по делам, за товаром, который дома можно выгодно перепродать; реже за приключениями, или

на спор, чтобы себя испытать. А ночной концерт под мостом – это что-то новенькое. Молодец девчонка, отлично приду-мала. И играет отлично. Замечательная труба.

Эна, тень Бездны, рыжая тётка, останавливается, чтобы девчонке не помешать. Пусть играет, не отвлекаясь, – думает Эна. – Таковую музыку грех обрывать.

Эна сейчас чувствует себя очень странно. Ей больно так, как Безднам, по идее, никогда не бывает. И при этом она счастлива – не умеренно, как рыжая тётка способна почувствовать, а в полную силу, словно находится здесь целиком. И от этого сочетания несовместимых чувств происходит нечто ещё более невозможное – по щеке рыжей тётки течёт солёная, горькая, как морская вода, слеза. Ничего себе! – озадачено думает Эна. – Это я что, получается, плачу? Настоящими человеческими слезами? Так я ещё не развлекалась. Ну и дела.

С Эной такое и правда случилось впервые за великое множество вечностей, потому что вообще-то Бездны не умеют

рыдать. Ну как – «не умеют», им просто не надо, они иначе устроены, у них и чувства другие, и способы их выражать. Последний раз Эна аж в детстве ревела – в настоящем почти человеческом детстве, с небольшими поправками на особенности реальности, в которой она родилась. Короче, когда совсем маленьким глупым принцем была, самым младшим в семье и потому до безобразия избалованным; но это, кстати, вырасти Бездной совершенно не помешало. Скорей помогло.

Надо же, – восхищённо думает Эна. – Вот даёт девчонка! До слёз меня довела. Кто бы сказал, ни за что не поверила бы, будто такое возможно. А она взяла и смогла.

Наконец труба умолкает – не потому, что девчонка Эну заметила, просто пьеса закончилась, в этом мире у всего бывает конец. Довольно дурацкая, с точки зрения Бездны, конструкция, но ничего не поделаешь – какой есть, такой есть.

– Эй, – воспользовавшись наступившей паузой, говорит Эна. – Имейте в виду, я тут из-за вас реву. Специально признаюсь, чтобы вам стало приятно. Мне не раз объясняли, что художникам и артистам позарез нужна обратная связь.

- Ой!

Девчонка озирается по сторонам, наконец видит Эну и спрашивает:

- Серьёзно, что ли, ревёте?

- Как последняя дура, – подтверждает Эна и подходит поближе. – Смотрите, щёки мокрые. И очки запотели.

- Я думала, – растерянно говорит девчонка, – в это время на набережной никого уже нет.

- А никого и нет, – соглашается Эна. – Я не считаюсь. Я уже ушла.

Делает шаг навстречу девчонке и обнимает её сердечно, как только что обретённую сестру-близнеца. Но девчонка не чувствует прикосновения Бездны. И обычного человеческого прикосновения тоже не чувствует. Только словно бы ветер – южный, далёкий, дразнящий – в лицо ей дунул. Рыжая тётка исчезла. Ушла Бездна Эна. Нет здесь больше её.

* * *

Стефан

март 2020 года

Стефан просыпается от ощущения, похожего одновременно на облегчение и удар. Ясно, что это означает: Старшая Бездна, озарявшая его территорию своим несомненным присутствием, только что окончательно и бесповоротно ушла.

Стефан сердито думает: даже не попрощалась, зараза, – хотя на самом деле понятно же, что попрощалась. А что спал, как убитый, и всё прохлопал, значения не имеет. Что с тобой было – было; не помнишь – ну, вспомнишь однажды. А если нет, сам дурак.

Ладно, – думает Стефан. – Нормально. Работаем дальше. Я вообще, между прочим, поначалу надеялся, что Эна сюда ненадолго. Терпеть не могу ревизоров, даже когда они дружелюбно настроены и уверяют, что статус Граничного города у нас теперь навсегда. Даже таких прекрасных, что непонятно, как без них жить. Ну вот, наконец-то стало по-моему: она ушла.

Что Стефан точно умеет, так это объяснить себе, почему любая потеря, на самом деле, приобретение, поражение – тщательно замаскированная победа, а «мне трындец» – это просто такая неочевидная форма «моя взяла». Не то чтобы

он себе верил, но настроение от такой постановки вопроса сразу же поднимается, это факт.

Проснулся! – радуется город. – Хочешь со мной погулять?

Это с его стороны очень мило – деликатно осведомиться, есть ли у Стефана такое желание. Потому что обычно этот город просто берёт в охапку и тащит – пошли, давай. Сопротивляться, конечно, можно, но смысла особого не имеет: глупо тратить чёртову прорву сил на то, чтобы огорчить целый город сразу и своё удовольствие упустить. Поэтому Стефан никогда не отвечает отказом на очередное предложение немедленно пойти погулять.

Город не жалуется, хотя вообще он, прямо скажем, не адепт стоицизма, обычно чуть что не так, сразу закатывает скандал. Но Стефан и сам ощущает его печаль. К хорошему легко привыкаешь, вот и город привык, что в нём проживает Старшая Бездна. А теперь, ничего не попишешь, придётся от этого отвыкать.

– Ладно тебе, – говорит Стефан вслух, поднимаясь на ноги. – Мы-то все у тебя остались.

Это да, – легко соглашается город. – Главное, ты остался. Ты же у меня навсегда?

Стефан не вчера родился. И даже не на позапрошлой неделе. В смысле, не маленький, давно уже в курсе, что в этой реальности ничего не может быть навсегда. Но отвечает: «Куда ж я денусь». И пока говорит, точно знает, что это

чистая правда. Стефан вообще не врёт. Никогда.

– Ты знаешь что? – говорит он городу, как приятелю, вслух. – Подкинь меня до ближайшей приличной кофейни. Желаю цинично совершить кражу со взломом. Немного дополнительной горечи мне сейчас явно не повредит.

Фразу он заканчивает уже в пустой кофейне Taste Map на Чюрлёнё, которая, естественно, закрыта: ночь на дворе. Но так даже лучше, болтать с людьми у Стефана сейчас совершенно нет настроения. А аппарат он и сам умеет включать.

Стефан хоть и шутит про «кражу со взломом», на самом деле, считает всё городское хозяйство своим; в каком-то смысле, оно так и есть, а что владельцы не в курсе, так это нормально, люди не в курсе вообще ничего. Однако Стефан не злоупотребляет своей безграничной властью над имуществом граждан. В смысле, особо не хапает. И даже сейчас, залпом выпив не столько горький, сколько терпкий, как неспелая ягода, кенийский эспрессо, кладёт двухевровую монету в пустой стаканчик для чаевых.

– Вот теперь, – говорит он, выходя за порог, – нормально проснулся. Пошли.

И с удовольствием ощущает, как замедляется его шаг, как движения становятся мощными и одновременно плавными, словно он идёт под водой. Теперь самая безрассудная любовь его жизни, город с почти человеческим характером, причудливой горькой и счастливой судьбой, смотрит на себя глазами

человека-шамана и, как всегда в таких случаях, с простодушным самодовольством заключает: а я у вас – вполне ничего.

– Не «вполне ничего», а прекрасней всех в мире, – вставляет от себя Стефан. – Лучший из человеческих городов.

Волшебное существо на прощание тоже так говорило, – соглашается город. – Удивительное оно! Столько от него было радости. Прекрасное, почти как ты, существо.

«Почти как ты» это, конечно, очень смешно – с учётом, что Эна всё-таки Старшая Бездна, а Стефан был рождён человеком. Впрочем, Бездны тоже рождаются кем попало; в своё время, странствуя в мире духов, Стефан познакомился с одной очаровательной юной Бездной, выросшей из уличного кота. Важно не кем ты родился, а что потом сделал с собой, – думает Стефан, спускаясь вниз по улице Калинауско. Ему хочется одновременно взлететь, заплакать, застыть неподвижно на месте и станцевать, но он давно привык к таким побочным эффектам от прогулок по городу с городом, поэтому просто спокойно идёт.

И вот прямо сейчас, пока им с городом так отлично вдвоём гуляется, что «счастье» – даже не состояние, а воздух, который можно просто вдыхать, чтобы заполнил тебя и город, вас обоих до самых краёв, можно позволить себе осознать потерю, как рану, прореху в пространстве, которую ничем не заполнить. И согласиться с этой прорехой, позволить ей быть – просто из уважения к правде. Так есть.

Так теперь есть, и это очень красиво, – думает Стефан. –

Наше старое хрупкое счастье, наша новая вечная боль. И хорошо, что вечная. Бывают такие раны, которым нельзя затягиваться, потому что только из них хреначит на наши глупые твёрдые тротуары и головы невыносимый, целительный, воскрешающий свет.

* * *

Назавтра Стефан не то что не помнит – помнит, конечно, он, слава богу, ума не лишился – в чём, собственно, состояла проблема, с какой стати их с городом охватила такая печаль. Просто он больше ничего такого не чувствует, и сам смеётся над чувствительным вчерашним собой. Тоже мне великое дело – Бездна ушла из города. На то и высшие духи, чтобы приходить сюда ненадолго, обжигать своим лёгким дыханием, опьянять своей радостью, забирать навсегда твоё сердце и уходить по своим делам, оставив в подарок очередную прореху, без сквозняка из которых невозможна мало-мальски разумная жизнь; впрочем, вообще никакая жизнь невозможна без этих жгучих прорех, без тоски по чему-то настолько непостижимому, что с самим собой об этом не поговоришь, но чувствовать будешь, конечно. И жить без неё уже не захочешь. Где бы я сам сейчас был, если бы не эта тоска.

– В общем, не ужас-ужас, а штатная ситуация, – говорит Стефан Тони, к которому прямо с утра, то есть, в два пополудни, практически босиком по росе зашёл выпить пива, в

смысле, пресечь меланхолию и вправить мозги. – Это метод, и он отлично работает. Сколько стоит этот мир, всегда было так.

Эдо

март 2020 года

Жизнь стала совсем какая-то удивительная, даже по его меркам. Иногда говорил – не себе, судьбе – строго, как распоясавшемуся хулигану: «Эй, ты чего, так нельзя, я же всё-таки живой человек!» Не помогало (к счастью, не помогало, что бы он, интересно, стал делать, если бы вдруг помогло).

Поневоле вспоминал книгу, которую написал в позапрошлой, по ощущению, жизни, когда был совсем молодым. Дурацкий роман о приключениях на Другой Стороне, из-за которого, собственно, насмерть разругался с Тони Куртейном, психанул, и всё понеслось. Смеялся теперь над собой: надо же, сам тогда думал, что книжка – фантастика, сказка, но по сравнению с тем, что сейчас каждый день происходит, это был какой-то унылый, смурной, ущербный недореализм. То, как представляют себе приключения и чудеса те, с кем ни того, ни другого пока не случилось. Хорошо, что сжёг его на хрен. И что на Тони Куртейна так тогда разозлился. И что наделал страшных глупостей, хорошо – ну, раз уж вот так, в итоге, это закончилось. То есть, тьфу, какое «закончилось». Только-только, можно сказать, началось.

Он и правда сейчас ощущал буквально каждое утро са-

мым началом жизни. Каждый день – своим первым днём на земле. И это было круче всего. Всё остальное, включая поездки и бесконечные вечеринки в двух реальностях попеременно, лекции, на которых его так вдохновенно несло, что за пару месяцев наговорил на новую книгу – это, ну, просто приятное оформление того, что теперь называется словом «ЖИЗНЬ».

Приятным, прости господи, оформлением был даже Сайрус, хотя сказал бы кто лет двадцать... да ёлки, всего полгода назад, что однажды кроме своих ощущений, настроения, мыслей у него появятся чьи-то чужие, явственно отличимые от собственных, настолько на них не похожие, что волосы дыбом, такое кино-не-для-всех изнутри, и одновременно его жизнь тоже станет чем-то вроде кино для постороннего наблюдателя, взвыл бы превентивно от ужаса: ни за что, никогда! Однако на практике оказалось, это никакой не ужас, а здорово. Сайрус отличный, с ним не соскучишься. Идеальный вымышленный друг. Неизменно полон энтузиазма: как же ты интересно живёшь! И подбивает на дурацкие выходки: давай поставим эксперимент! А иногда помогает – словом, и даже немножко делом; в такие моменты чувствуешь себя сказочным Аладдином, который обзавёлся полезным в хозяйстве джинном и для удобства его проглотил. То есть с Сайрусом скорее такая проблема, что занят по горло своими мертвецкими жреческими делами и регулярно надолго исчезает со связи, а не то, что он есть.

Иногда посреди этого непрерывного ликования Эдо как бы из чувства долга, имитируя былой здравый смысл, читай, тревожный самоконтроль, строго спрашивал себя: а не сошёл ли я с ума окончательно? Не допрыгался ли? Не мечусь ли вот прямо сейчас в бреду? И всякий раз с удивлением убеждался, что ответ на этот вопрос не имеет значения. Ну, предположим, сошёл, что с того? Опыт есть опыт, ощущения есть ощущения; лично я бы свои ни на какую нормальность не променял. В наихудшем случае, у меня самые крутые галлюцинации за всю историю мировой психиатрии, грех от таких отказываться, – весело думал он.

Жить на Другой Стороне уже было необязательно. Мог окончательно вернуться домой. Вроде не целиком состоял из родной домашней материи, Сайрус говорил, её примерно шестая часть, но этого оказалось достаточно, чтобы больше не таять – ни через сутки, ни через неделю. Лично проверил ещё в январе, поселившись на Маяке у Тони Куртейна; собственно, именно Тони на проверке и настоял. Следил за ним, как нянька за новорожденным, даже в город отпускал неохотно, ждал подвоха; ну, Тони есть Тони, вроде бы сам – главное чудо в городе, маячный смотритель, а при этом скептик, каких поискать. Но неделя даже его убедила. Сказал: «Плохо дело, придётся тебе придумать какой-нибудь новый экзотический способ себя угробить, растаять незваной тенью – больше не вариант».

Однако от квартиры на Другой Стороне он не спешил отказываться. Потому что, во-первых, ищи дурака жить в одной реальности, когда можно в обеих сразу. А во-вторых, – говорил себе Эдо, – у меня же Другая Сторона толком до сих пор не изучена. Сколько я там путешествовал, ерунда. Это только когда начинаешь хвастаться, получается много, а на самом деле, я и тысячной части пока не увидел. Такой мир огромный. Интересный, красивый, жуткий, ни на что не похожий мир. Ещё и выставки всюду; вот это действительно ужас кромешный – хоть разорвись на части, везде всё равно не успеть. Но хотя бы раз в месяц надо куда-нибудь выбираться. Путешествия теперь не только радость, но и в какой-то степени долг. Если уж выяснил, что твой взгляд каким-то образом «возвышает» и наполняет жизнью, обязан на всё вокруг внимательно посмотреть.

Он, собственно, и выбирался – в январе слетал на два дня в Париж на выставку Базелитца⁶, в феврале – в Мюнхен на Верёвкину и Явленского⁷. И был твёрдо намерен продолжать в том же духе. Составил план поездок на полтора года вперёд. У него было огромное искушение бросить всё к чёрту и мотаться по миру, по обеим реальностям сразу, пока деньги не кончатся; по примерным прикидкам, гонораров за пере-

⁶ Речь о выставке Георга Базелитца Time в парижской галерее Thaddaeus Ropac, которая шла с сентября 2019-го по февраль 2020 г.

⁷ Ретроспективная выставка работ художников Марианны Верёвкиной и Алексея фон Явленского Soulmates, которая проходила в Мюнхенской Городской галерее в доме Ленбаха с октября 2019 по февраль 2020 г.

издания старых книг, скопившихся за время его отсутствия, должно было хватить на несколько беспечных лет. Однако нехорошо бросать студентов посреди учебного года, это его останавливало. И Тони Куртейн его останавливал – самым фактом своего существования. И волшебное кафе его двойника, где завязалось столько невероятных знакомств, уже почти дружб. Поэтому пока вот такой компромисс: одно путешествие в месяц на Другой Стороне. А дома надо дожидаться каникул и съездить на Чёрный Север. Сабина сказала, ему туда обязательно надо. Глупо было бы не послушаться человека, ставшего у него на глазах огненной зелёной рекой.

Начало марта оказалось забито делами совсем под завязку. К лекциям добавились дополнительные публичные, сам когда-то сдуру с три короба наобещал, и вот настигла расплата; плюс пришло время вычитывать корректуру «Практики приближения к невозможному»; плюс выставка Зорана, который теперь других инсталляторов к своим картинам подпускать не желал. Всё это было счастьем, но такой нелёгкой его разновидностью, когда к ночи уже еле держишься на ногах, а от кружки ярмарочного глинтвейна готов упасть под ближайший стол. Поэтому до своей квартиры на Другой Стороне Эдо две недели не добирался, ночевал у Тони Куртейна на Маяке, а в день развески – прямо на полу в галерее, укрывшись пальто художника, вот настолько себя загонял.

Однако три дня на поездку он как-то выгрыз, не пропа-

дать же заранее купленным на распродаже билетам в Вену, где в Леопольде как раз шла выставка работ немецких экспрессионистов, сборная, из разных коллекций, редкий шанс увидеть в одном месте сразу много обычно почти недоступных картин. Ну и плюс Хундертвассер⁸. Вена это всегда Хундертвассер, раньше несколько раз ездил туда специально к нему, как к старому другу, так-то Вену не особо любил, и теперь у короткой поездки на выставку была дополнительная задача – это исправить. Посмотреть на постылую имперскую Вену своим новым зрением и наконец-то её полюбить. Потому что если тебе не нравится город, значит, где-то ты сам слажал, – говорил себе Эдо. – Проглядел, проморгал, был не в том настроении. Нет на свете «плохих» городов.

Самолёт был в два с какими-то там минутами; Эдо сперва проспал, не катастрофически, но ощутимо, потом спротонок долго слонялся по проходным дворам, которые показал ему Юстас из Граничной полиции, мастер перехода, каких поискать. Через Юстасовы дворы он проходил на Другую Сторону легко, обычно с первой попытки, вообще без проблем, но когда опаздываешь и торопишься, всё идёт наперекосяк. В итоге ворвался в свою квартиру уже после полудня, схватил документы и дорожный рюкзак, где всегда ле-

⁸ Фриденсрайх Хундертвассер (*нем.* Friedensreich Regentag Dunkelbunt Hundertwasser) – австрийский архитектор и живописец, обладатель уникального стиля, объединяющего абстракционизм и модерн.

жали запасные носки, свитер, бритва и прочие необходимые мелочи – жалко, причём не денег, а времени на месте всё покупать. Вызвал такси и приехал в аэропорт примерно за час до вылета; в этом смысле Вильнюс очень удобно устроен, от центра до аэропорта ехать десять минут, как раз успеваешь зарегистрироваться на рейс, сохранить билет в телефоне и выдохнуть, осознав, что сделал это в самый последний момент. Практически не приходя в сознание, проскочил досмотр, удивившись, как мало сегодня народу, никаких очередей, повезло. По традиции купил ужасающий кофе в автомате, который считал чем-то вроде жертвы мелким аэропортовым божествам, и пошёл к табло узнать номер гейта. Вот тогда-то и офонарел, обнаружив, что его рейс в Вену не просто отложен, что иногда случается, а вообще отменён. И все остальные рейсы тоже отменены, кроме какого-то одного, он так и не понял куда, хотя все буквы в названии города были знакомые. Кажется, просто временно разучился читать – от, скажем так, удивления. А как ещё это чувство назвать.

Какое-то время Эдо стоял перед этим табло в надежде, что произошёл технический сбой, сейчас экран вздрогнет, моргнёт, замелькает, и всё встанет на место. Вместо одинаковых надписей «отменён», «отменён», «отменён» появится нормальная информация – время вылета, номера гейтов, и что ещё там. Но этого не случилось, хотя ждал он довольно долго. Ну, по крайней мере, пришёл в себя настолько, что вер-

нулась способность читать. И он наконец прочитал, что пассажиров отменённого рейса в Вену просят пройти к стойке регистрации Люфтганзы. Из этого следовало, что надо вернуться обратно в зал. А потом придётся заново проходить эти их дурные досмотры, – сердито подумал Эдо. Тогда он ещё не догадывался, что не будет никакого «потом».

Шёл как во сне через пустые залы, по указателям «выход», перед ним автоматически открывались двери и тут же захлопывались за спиной. Чувствовал себя очень странно – всё вокруг казалось чужим, неприятным, враждебным, как в юности, когда ещё не привык к Другой Стороне. Спустился на эскалаторе в зону выдачи багажа, оттуда попал в зал прилёта, совершенно безлюдный – ни прибывших, ни встречающих, вообще никого. Вышел на улицу, закурил, стоял, растерянно озираясь, словно и правда только что прилетел. Всё это было так похоже на сон, что удивился, вдохнув горький дым сигареты. Для сновидения как-то чересчур достоверно. Хотя чёрт его знает. Разные бывают сны.

Из зала прилёта в зал вылета можно было попасть на лифте, но он не стал рисковать. Знаем мы эти лифты, такое вытворяют в человеческих снах, что лучше уж добровольно сузиться в пасть к чудовищу. Что оно сделает? Максимум, проглотит, и всё. Лифты не столь милосердны, по крайней мере с точки зрения человека, в своё время поневоле ставшего крупным специалистом по кошмарным снам.

Поэтому отправился в зал отлёта пешком, в обход. Всю

дорогу чувствовал себя конченным идиотом – если это сон, зачем вообще идти к стойке регистрации? Чтобы там – что? А если не сон, какого чёрта я испугался лифта? Что за внезапная фобия? Вроде наяву всё у меня с лифтами складывалось нормально, ни разу в жизни не застревал.

Но вопреки обыкновению, не вернулся, чтобы прокатиться на лифте дурацкому страху и себе самому назло, хотя обычно поступал так практически на автомате: боишься? Делай давай. Однако сейчас был настолько выбит из колеи, что в организме слетели настройки. Больше не было никакого «обычно». «Обычно» – это чёрт его знает, как. Потом совершу какой-нибудь дополнительный подвиг, чтобы компенсировать лифт, – совершенно серьёзно пообещал себе Эдо. – Сперва надо разобраться, что происходит. Почему отменили все рейсы сразу, не только мой? Законы физики изменились, и самолёты перестали летать, как у нас? Было бы, кстати, отлично. То есть ужас как неудобно, зато очень смешно.

Перед стойкой Люфтганзы была небольшая очередь, человек пять. Встал в конец, внимательно слушал диалоги девчонок-операторов с пострадавшими пассажирами. Всем предлагали замену: билеты на какие-то странные рейсы с неадекватными пересадками – через Стокгольм, Лондон, Одессу, Стамбул. Вылет, может быть, завтра, или в ночь со среды на четверг; нет, мы пока не знаем, как будет с обратным билетом, сейчас никто ничего не знает, вы что.

Это было слишком абсурдно даже для сновидения, поэтому у Эдо окончательно сдали нервы, и он громко спросил: «Что вообще происходит, мне кто-нибудь объяснит?» Воцарилась гробовая тишина, наконец одна из девчонок спросила: «Вы что, новости не читаете?»

Вообще-то новости он читал. Изредка, под настроение. В этом месяце – целых два раза, пока ждал заказа в кафе. Правда, это были не здешние, а домашние новости. Что Зыбкое море теперь снова почти в центре города, в самом конце бульвара Добрых Вестей. Что началось строительство новой скоростной автомагистрали через Пустынные Земли, которая лет через десять, если строители не напортачат, возможно, что-нибудь с чем-нибудь худо-бедно соединит. Что на базе Политехнического Университета создан новый экспериментальный факультет, где будут обучать специалистов по аппаратуре и технологиям Другой Стороны. А также интервью с устроителями Большой Весенней ярмарки, дискуссия медиков и теологов о гипотетической пользе контрабандного табака, очередное разоблачение лженауки метеорологии, расписание концертов, рекомендации ресторанных экспертов – словом, всё как всегда.

Но от подробного пересказа прочитанных в этом месяце новостей Эдо благоразумно воздержался. Пожал плечами, пробормотал универсальное объяснение: «Слишком много работы», – и потом долго слушал сбивчивые рассказы операторов и пассажиров из очереди про какой-то дивный новый

грипп, от которого все буквально со дня на день помрут, но это не точно, про карантинные меры и закрывающиеся границы; вроде в Австрию уже никого, кроме постоянно проживающих не пускают, или буквально с завтрашнего дня перестанут пускать. Мрачно подумал: значит, с выставкой пролетаю. А ведь хотел же выбраться в конце февраля! Одна надежда, что это всё-таки сон. Новая разновидность кошмаров о том, как никуда не можешь уехать; на самом деле, сравнительно безобидная, так что пусть.

Окончательно убедившись, что проснуться прямо сейчас не получится, он вежливо поблагодарил всех собравшихся за пересказ новостей, развернулся и пошёл прочь, даже не выяснив, есть ли возможность вернуть деньги за чёртов билет, а это было настолько не в его духе, насколько вообще возможно. Терпеть не мог, когда что-то – хоть билеты, хоть деньги, да хоть зачерствевший бублик – пропадало зря.

Из аэропорта в центр можно доехать автобусом, очень быстро, примерно за четверть часа, или вызвать по телефону такси, если знаешь правильного оператора, выйдет дёшево, главное – не садиться в машину, которые прямо у входа стоят. Эдо всё это, конечно, знал. Но плюнул на транспорт и пошёл в город пешком, через какие-то пустыри, частично оборудованные под автомобильные стоянки, мимо магазина ИКЕА и дальше, вдоль трассы до улицы Лепкальнё, оттуда почти сразу свернул в микрорайон Расос и побрёл, петляя, в

сторону центра, можно сказать, огородами: там частный сектор, всюду сады за заборами, деревья чёрные, голые, как положено в марте, но на клумбах цветут подснежники, и разноцветные крокусы пробиваются из жухлой прошлогодней травы.

Правильно, в общем, сделал, что пошел пешком. Универсальное правило: в любой непонятной ситуации или берись за работу, или вставай и иди, всё равно куда. Придумал его, вернее, вывел методом проб и ошибок ещё в давние времена, когда был настоящим человеком Другой Стороны, чья жизнь по умолчанию чрезвычайно сложна. И сейчас она снова стала сложна – внезапно, без предупреждения. Больше всего на свете Эдо ненавидел, когда рушатся его планы. И конечно, беспомощность. И ещё – когда вокруг начинает твориться унылая мутная хренота.

Коктейль из всех ингредиентов сразу оказался убойный. Под его воздействием Эдо даже не сразу понял, что его всё это мало касается. Ну, то есть касается – но только в том смысле, что поездка на выставку накрылась понятно чем. Обидно, но на катастрофу не тянет. А так-то, – он сам удивился, что вспомнил об этом не сразу, – я здесь человек посторонний. Какое мне дело до дурацких проблем Другой Стороны.

По большому счёту, это, конечно, не было правдой, но когда ты зол и растерян, обозначить дистанцию между собой и источником огорчения – самое то. Наваждение, помрачив-

шее его разум, пока шёл через пустой аэропорт, понемногу рассеялось. Больше не чувствовал себя беспомощной жертвой обстоятельств. Весело думал: ладно, чёрт с ней, поездкой. У меня есть три выходных, и уж их-то никто не отберёт. Предположим, я только приехал в Вильнюс. Не впервые в жизни, но после долгой отлучки. Буду гулять по городу, как праздный турист. Высплюсь наконец-то по-человечески. И с местными духами до полного обретения дзена напьюсь.

С этой мыслью он свернул к ближайшей детской площадке, сел на качели, слегка оттолкнулся ногой от земли. И подумал голосом Сайруса, но всё-таки сам подумал, а не услышал его: интересно, что теперь будет? Правда, что ли, все вокруг от дурацкого гриппа помрут? И Другая Сторона станет пустынной? Серьёзно? Постапокалипсис, битва за смузи с киноа и прочий Мэд Макс?⁹ Ладно, мне-то понятно, чем заниматься в таких обстоятельствах: вооружусь до зубов и поеду грабить музеи. Тянет на дело жизни! Всё самое ценное утащить не успею, но пусть хотя бы экспрессионисты хранятся у нас.

Привычным усилием перенастроил зрение, сообразив, что если миру грозит какая-то крупная катастрофа, это наверняка можно определить по движению его сияющих линий. Но линии мира текли и мерцали обычным образом. И почти невыносимое счастье, немилосердное, как Тонин ост-

⁹ «Безумный Макс» (англ. Mad Max) – австралийский дистопический боевик 1979 года режиссёра Джорджа Миллера с Мелом Гибсоном в главной роли.

рый томатный суп, охватило его, как всегда в такие моменты. Одно из двух, – думал Эдо, блаженно раскачиваясь на качелях, – или линиям мира пофиг человеческие катастрофы, или паника на пустом месте, новости врут.

Снова Стефан

март 2020 года, сентябрь 2006 года

Стефан сидит, разнообразия ради, не на работе, не дома, не в своём вечном пасмурном тёплом сентябрьском саду, не в пивной, не в кофейне, не на холме, не на крыше чужого сарая, не под мостом, а в полупустом автобусе, у окна. Иногда он так развлекается: садится в первый попавшийся автобус, или троллейбус и едет – без всякой цели, просто катается, пока не надоест. Для того, кто родился чётр знает сколько столетий назад, городской пассажирский транспорт – увлекательный аттракцион, даже лучше, чем лифты: поездка гораздо дольше, и можно смотреть в окно.

В общем, Стефан сидит у окна в полупустом автобусе номер тринадцать, который вот прямо сейчас проезжает через район Маркучай, похожий на большое село, хотя от вокзала, который находится в центре, он совсем близко: даже с остановками и светофорами всего-то десять минут.

Стефан смотрит в окно – на пустые почти деревенские улицы и заборы, за которыми чернеют голые мартовские сады. Слушает разговоры шумной компании рыбаков, столпившихся на задней площадке и азартно рассуждающих о наживках: «На макуху леща не поймаетшь! Лещ любит мо-

тыля!» Всё это действует так умиротворяюще, что Стефан почти засыпает, уткнувшись носом в тёплое от его дыхания стекло. Он сейчас в кои-то веки чувствует себя не хозяином места и времени, а невесомой щепкой, подскакивающей на волнах. Такие моменты для Стефана редкость и огромное счастье – не потому, что всю жизнь мечтал стать беспомощной щепкой, а потому что он всем своим чутким телом ощущает это неизъяснимое море, незримое, неназываемое, существующее сразу во всех мирах.

В кармане вибрирует телефон. Звонить ему, по идее, могут исключительно по работе, в консенсуальной¹⁰ реальности такого номера нет, но Стефан в кои-то веки не обращает внимания на звонок. Полчаса любое дело потерпит, – с несвойственным ему пофигизмом думает он. – Мир без меня не рухнет; то есть рухнет, конечно, но не весь сразу, и уж точно не в первые полчаса. В конце концов, – безмятежно качаясь в волнах неизъяснимого моря, думает щепка-Стефан, – я мог вообще на свет не родиться. Или в младенчестве помереть. Или не справиться с шаманским призванием. Или так прекрасно с ним справиться, что сразу в мир духов навсегда усвистать и не приносить никакой общественной пользы. И не было бы здесь ни Граничной полиции, ни сверхъестественных Старших духов-хранителей, способных с этим

¹⁰ Консенсуальная, т. е. общепринятая реальность (от *англ.* consensus reality) – психологический термин, обозначающий такое описание реальности, в отношении которого достигнуто (неосознанно) общее соглашение между людьми.

городом совладать, ни десятков открытых Проходов в неведомое, да вообще ничего. Кромешный сиротский приют для голодающих низших духов, как во всех остальных по сути Граничных, а по факту обычных человеческих городах. Но я, молодец такой, родился и выжил. И с призванием справился ровно настолько, чтобы целиком из этой смешной реальности не исчезать. И такую прорву дел натворил, словно меня тут полсотни амбалов, а не один массовик-затейник на весь детский сад. Так что какие-то несчастные полчаса идеально-го отпуска я совершенно точно кармически заслужил, – весело заключает Стефан, и телефон умолкает. Больше не щекочет бедро.

* * *

Стефан идёт по дальней окраине парка Бельмонтас к подвесному мосту. Направление он всегда правильно чувствует, но дороги сейчас не видит, поэтому пробирается напролом через лес, который считается парком; это нормально, в нашем городе все леса притворяются парками, им нетрудно, а пользы от этой хитрости много. По крайней мере людям понятно, что парки нельзя вырубать. И город очень доволен: ему нравится не просто стоять окружённым лесами, а сквозь них прорастать.

Стефан вышел из автобуса на конечной примерно четверть часа назад. Вроде давным-давно должен был очнуться,

собраться, прийти в себя, потому что быстрая ходьба по пересечённой местности, скажем так, убедительно мотивирует на прояснение зрения и за компанию с ним ума. Но вместо этого он всё глубже погружается в сон наяву о невидимом море, качающем его на волнах, и это такое счастье, что нет дураков отказываться, – думает Стефан. – Пусть баюкает, пусть уносит, да хоть с концами себе забирает – пусть. Потому что это неизъяснимое море и есть настоящая цель шамана, его тайная родина, драгоценная суть, а все остальные дела, какими бы важными ни казались – просто подготовка к тому, чтобы однажды нырнуть.

Тем не менее, руководствуясь скорее инстинктом, чем осознанной необходимостью, Стефан идёт, куда надо и добирается до подвесного моста над Вильняле, в этом месте узкой и такой быстрой, словно она – настоящая горная река.

Речка Вильняле любит Стефана, она всегда ему рада и, завидев издалека, громко, разборчиво, почти человеческим голосом кричит: «Привет!» Интересуется: «Ты принёс мне выпить?» Сердится: «Ты почему не здороваешься?» Огорчается: «Эй, ты чего, это же я!»

На этом месте Стефан наконец приходит в себя, можно сказать, просыпается. И удивлённо оглядывается по сторонам. Что-то явно не так, осталось понять, что именно. Давай включайся, пожалуйста, дурная моя голова!

В том, что Стефан стоит на подвесном мосту, а тот, во-

преки инженерному замыслу, раскачивается, как качели, нет ничего необычного, этот мост под его ногами всегда ведёт себя так. Что позади осталась своего рода просека, узкая полоса, только не вырубленная, а преждевременно зазеленевшая, тоже нормально, Стефан по весне так на все деревья воздействует, своим присутствием буквально вынуждает их зазеленеть до срока, когда забывает держать себя в руках. Что река разобиделась – ну так имеет право, сам бы на старого друга, который мимо бежит, не здороваясь, рассерчал. Но вот это сладкое счастье погружения в вечное неизъяснимое море выглядит подозрительно. Не те мои годы, – думает Стефан, – чтобы так долго кайфовать не по собственной воле. А я не делал усилий, чтобы продлить удовольствие. Я такого решения не принимал.

Это похоже на щедрый подарок, – наконец понимает Стефан. – Значит должен быть и даритель. Интересно, кто это так меня вечностью приласкал? Эна, что ли, вернулась, чтобы обнять на прощание? Да ну, не может такого быть. Бездна так скоро не возвращается туда, откуда только что аккуратно, красиво, вся целиком ушла.

Однако на Эне свет клином не сошёлся, есть и другие – Бездны и прочие удивительные существа.

Стефана не то чтобы осенило, он в последнее время только и думал что об этих других. Гадал, грядёт ли обещанное «вычитание», и что это будет за ужас, или Эна просто любит припугнуть способную молодёжь, чтобы особо не расслабля-

лась и, прости господи, духовно росла? Последнее более чем вероятно, хотя раньше педагогических вывихов за нею вроде не замечал. Но на то и Бездна, чтобы преподносить сюрпризы. У каждой Бездны свой характер и свои предпочтения, но в принципе любая Бездна вмещает в себя абсолютно всё.

Во всяком случае, – думает Стефан, – это неведомо чьё присутствие пока совершенно не похоже на какое-то «вычитание». Скорее, на умножение. И даже на возведение в степень. Такое – ладно, пусть будет. Договорились. Давайте ещё.

Но он и сам понимает, что пока настолько не в форме, насколько это возможно. Поди адекватно оцени ситуацию, когда счастливой щепкой болтаешься в вечных волнах. В таком состоянии трудно сохранять ясный взгляд. Но «трудно» – это уже давно не проблема. Работа не волк, а прирученная собака, никуда от тебя не денется, позовёшь – прибежит. В смысле, если захочешь, справишься – с чем угодно, в любом состоянии, как уже многократно справлялся. А то интересно, – ухмыляется Стефан, – где бы я сейчас был.

Первым делом Стефан уходит с моста. Нет лучше опоры, чем земля под ногами, если ты – хозяин этой земли. С воздухом не настолько просто. И с водой не особо. По-настоящему просто становится только, когда стоишь на земле.

На берегу, обернувшись, он говорит реке: «Извини, дорогая. Считаю, что был в доску пьян. С меня причитается – всё, что ты пожелаешь. Но не прямо сейчас. Не серчай».

Речка журчит довольно сердито, но только для виду. Чтобы Стефан не решил, будто ему всё вот так сразу прощается, и больно много о себе не воображал. На самом деле река, конечно, всё сама понимает. Реки всегда насквозь видят нас.

Поначалу Стефан просто идёт через парк в сторону центра. Без фокусов. В смысле, даже не пытается колдовать. Сперва нужно привыкнуть к новому блаженному состоянию. Теперь что, снова всегда так будет? Как в юности? – восхищённо думает Стефан. – Сплошной непрерывный кайф, в ходе которого всё получается с почти пугающей лёгкостью, но не то, что ты задумывал изначально, а то, что само захотело случиться через тебя? С другой стороны, если уж тогда уцелел и постепенно научился себя контролировать, значит сейчас тем более справлюсь. Особенно если немедленно выпью пива. Надо хоть как-то притормозить.

Ресторан в парке работает только летом, а магазинов тут нет. Но когда Стефану что-то по-настоящему надо, он немедленно получает желаемое. Зная об этом, он обычно старается сдерживаться, чтобы не умножать и без того разгулявшийся в городе хаос. Как бы ни уверял его Нёхиси, крупный специалист в подобных делах, что это у нас пока вообще никакой не хаос, а можно сказать, учебный этюд на тему для начинающих исполнителей, человеческий город есть человеческий город, и меру всё-таки надо знать.

Однако сейчас не до меры, поэтому под ближайшим ку-

стом на пне сидит молодой человек в форме кассира сетевого супермаркета Rimi, их легко опознать по ярко-красным жилетам, кепкам и воротничкам. В руках у него три бутылки пива Хугарден с кориандром и апельсиновой цедрой – очень неплохой вариант. И поскольку Стефан, как уже говорилось, не особо любит халяву, маленький беспроводной терминал для оплаты картой; это, с учётом контекста, ужасно смешно. Бедняга дико озирается по сторонам в полной уверенности, что заснул на работе и надо немедленно просыпаться, пока покупатели шум не подняли, и менеджер не засёк. Стефан забирает у него пиво, и продавец исчезает, не дожидаясь оплаты; ладно, – думает Стефан, – невелика беда, спишут, небось, потом как мелкую кражу, не возвращать же парня назад.

Две бутылки Стефан рассовывает по карманам, а третью немедленно открывает и пьёт – исключительно ради наступления полной и окончательной трезвости. С таким же успехом я мог бы выдуть банку компота, – сердито думает он примерно на середине бутылки, и по собственной внутренней интонации тут же понимает, что ругается не по делу, пиво-то отлично зашло. То есть Стефан всё ещё беспредельно счастливая щепка, объятая волнами вечности, но уже наделённая чудесной способностью испытывать недовольство по пустяковому поводу, причём совершенно несправедливое – пиво-то помогло.

Всё-таки очень смешно я устроен, – думает Стефан. – Как

будто нарочно для развлечения высших духов, которые могут глядеть на нашу жизнь, как люди смотрят кино. Хорошо бы узнать когда-нибудь, это меня специально таким создали, чтобы поднять рейтинг всем надоевшего унылого зрелища, или случайно получилось само?

Через полчаса Стефан уже настолько в рабочей форме, насколько это возможно в состоянии безмятежного кайфа, которое явно не собирается окончательно его покидать. Он идёт по улице Полоцко не простым Колдовским, а суровым и честным Хозяйским шагом, утверждая своё присутствие в городе даже более мощно, чем делает это всегда, только с иной, необычной для него интонацией, скорее «какое же счастье», чем традиционное в таких случаях «твою мать». Ладно, ничего не попишешь, пусть будет счастье, куда от него деваться. Может с таким настроением даже лучше встречать неизвестность? До сих пор просто не было случая сравнить и узнать.

Хозяйский шаг – сам по себе приглашение для всякого гостя приблизиться и представиться. Не совсем ультиматум, но что-то вроде того. Однако когда имеешь дело не с прожорливой мелочью Нижнего мира и не с какими-нибудь заплутавшими демонами из зыбких потусторонних реальностей, а с высшими духами, которые по умолчанию гораздо больше и сильнее тебя самого, глупо рассчитывать, что они вот так сразу послушаются. Можно только надеяться на их снисхо-

дительность и любопытство. А общий язык уж как-нибудь да найдётся. По крайней мере, до сих пор всегда находился. С точки зрения высших духов Стефан ужас какой обаятельный. Потому что формально – почти человек, смешная мелкая штучка, а по сути очень на них похож.

Вот и сейчас не мгновенно, но всё-таки быстро, трёх кварталов Хозяйским шагом ещё не прошёл, Стефан получает ответ, внятный, насколько это вообще возможно. Что-то вроде: «Иди домой, жди гостей».

На самом деле всё, конечно, гораздо сложнее: это не обещание, не совет, не приказ. Не голос, звучащий в ушах, не предчувствие, не видение, а просто непреложное знание, что в твоём доме очень скоро объявятся гости, и хорошо бы прийти туда первым – горячее звонкое знание медового цвета, гладкое, полупрозрачное и тяжёлое, словно кусок янтаря. В пересказе так себе выглядит, зато когда ощущаешь, получается столь внятно и убедительно, что будь ты хоть триста раз великим шаманом, а как миленький сворачиваешь в винную лавку, покупаешь там бутылку розе из Апулии, которого сроду не пил, нелепое с твоей точки зрения луковое печенье, дурацкие сырны сухари и с этими то ли боевыми трофеями, то ли, прости господи, защитными амулетами, несёшься кратчайшей дорогой домой, на ходу набирая номер полдня безуспешно пытавшейся до тебя дозвониться Кары и говоришь, не давая ей вставить ни слова: «Значит так, дорогая, всё потом, я занят по горло; чем именно, сам пока толком не

понял, поэтому объявлюсь ближе к вечеру. Ну или не объявлюсь».

* * *

Дом Стефана – то ещё место. Там всегда двадцать первое сентября две тысячи шестого года, точнее, Стефан живёт там только в этот день. Во все остальные дни это обыкновенный двухэтажный дом на улице Даукшос; в этом районе до сих пор сохранилось несколько совершенно деревенских с виду домов. Дом старый, но всё ещё крепкий; недавно там сменились хозяева и сделали капитальный ремонт. Но Стефана всё это не касается. Важно только, что двадцать первого сентября две тысячи шестого года, когда он впервые туда вошёл, в доме никого не было, так уж всё удачно совпало: квартиранты из мансарды уехали, новые пока не нашлись, а хозяйка кафе, которое в ту пору занимало весь первый этаж, заболела, и никто не смог её подменить. Так что в этот день Стефан в доме полный хозяин. А всё остальное время он там и не живёт.

На самом деле ничего подобного Стефан устраивать не планировал. Он вообще понятия не имел, что такое возможно – поселиться не просто в доме, а в одном из прошедших дней. Когда-то – собственно, понятно когда, двадцать первого сентября шестого – просто так туда завернул. Ему сад за низким забором понравился, захотелось немного там поси-

деть в зарослях алеющего девичьего винограда среди отцветающих мальв. А когда уселся в одно из старых садовых кресел, вдруг понял, что момент сейчас идеальный, один из лучших за всю его долгую жизнь – тёплый пасмурный сентябрьский день, старый запущенный сад, удобное кресло, никаких срочных дел. И почти невольно подумал: вот бы мне всегда так сидеть! Вечно, но при этом не постоянно, а с перерывами на остальную интересную жизнь.

Друзья уверены, Стефан тогда договорился с временем и как-то его уболтал. Но с временем договаривался не сам Стефан, а город. Он давно о чём-то таком мечтал. Наслушался баек Нёхиси о нелинейности времени, ничего толком не понял, но это как раз нормально, он же всё-таки человеческий город, людьми построен и населён, поэтому мыслит более-менее по-человечески, а людям про нелинейное время не положено понимать. Но отсутствие понимания не помещало городу захотеть себе такую игрушку. О непонятном, собственно, даже проще мечтать.

В общем, город давно хотел, чтобы в нём завелось нелинейное время. И Стефан, конечно, об этом знал, но понятия не имел, как такое можно устроить. Да и что потом с этим нелинейным временем делать, совершенно не представлял. И тут вдруг всё так удачно совпало: тёплый пасмурный день, восхитительный сад, самое удобное в мире кресло и желание – нет, не самому остаться в этом моменте навечно, а оставить его себе навсегда. И старый дом, который сразу же захо-

тел стать домом Стефана, и девичий виноград, не желающий увядать, и город, приподнявшись на цыпочки от волнения, почти взаправду, так что асфальт в тот момент потрескался сразу на множестве улиц, в разных местах – все так сильно хотели одного и того же, что чудо взяло и случилось. Можно сказать, само.

Эту хитрость Стефан сам ещё молодым придумал, а гораздо позже узнал, что заново изобрёл один из фундаментальных принципов высшей магии – быть внимательным к желаниям мира, в котором находишься, и когда они совпадают с твоими, свою волю с волей мира объединять. Мало того, что дело сделаешь, так ещё и с миром подружишься. Мир запомнит, что ты – хороший помощник, и сам начнёт в ответ тебе помогать.

С тех пор всякий раз, когда Стефан приходит в дом на улице Даукшос – один, или с гостем, это как раз всё равно – оказывается, что он пришёл туда не сегодня, не послезавтра, а двадцать первого сентября две тысячи шестого года, когда ни в саду, ни в доме не было никого. Он ничего специально для этого не проделывает, не читает никаких заклинаний, даже в бубен не бьёт на пороге, просто так получается – неизменно, всегда.

Порой Стефан думает, что существование этого островка остановившегося времени в центре человеческого города наверняка нарушает вселенское равновесие, или что там у нас

нынче вместо него. И сам понимает, что это безобразие когда-нибудь придётся прекратить; ну, это как раз не проблема, ломать не строить, отменить невозможное событие очень легко. Но «когда-нибудь» вовсе не означает «немедленно». И даже не «в ближайшее время». «Когда-нибудь» это когда угодно. Однажды. Потом.

А пока Стефан доволен своим жильём. И город им очень доволен. И старый дом, и земля, на которой он был построен, и незапертая калитка, ставшая воротами во времени, и кресло, где Стефан сидит вот уже двадцать минут, ожидая обещанного гостя. Но особо не беспокоится, знает, что гость придёт. Да уже пришёл, – вдруг понимает Стефан. – Просто пока присутствует невыразимо. Зато так ощутимо, что я, чего доброго, от счастья вот-вот зареву.

– Я от счастья вот-вот зареву, – вслух говорит Стефан. – Сам понимаю, зашибись уникальное зрелище, видео в пору снимать и выкладывать на ютуб. Но если можно, ты всё-таки проявись, пожалуйста. Хоть каким-нибудь образом. Лучше таким, чтобы было удобно пить это вино. По идее, должно быть хорошее. Я в винах совершенно не разбираюсь, но обычно выбираю самое лучшее. Наугад. Такой уж у меня божий дар.

Ответом ему становится смех. Сперва кажется, что смеётся множество голосов, но потом весёлый хор сливается в единственный голос, то ли низкий женский, то ли высокий мужской. Сквозь смех этот голос бормочет: «Божий дар у

него, понимаете! Божий дар!»

Стефан тоже смеётся – не столько собственной шутке, сколько просто так, за компанию. Ну и отчасти от облегчения, что встреча с не пойми чем неведомым, заявившимся на его территорию, начинается так хорошо.

– Ну наливай тогда, – говорит женщина, сидящая в кресле напротив. – Посмотрим, что у тебя за вино.

Смех умолк, и она появилась. Хорошая, значит, гостья – овеществлённый смех.

Даже, пожалуй, слишком хорошая. В её присутствии у стойкого и ко всему, по идее, привычного Стефана сейчас так сладко кружится голова, что он не может открыть бутылку. По крайней мере не сразу. Не с первой попытки, а только с четвёртой. Очень странное ощущение, словно вместо каждой руки у него морская волна.

– А нельзя этот невыносимый кайф слегка прикрутить? – осведомляется Стефан, разливая розе по бокалам. – В мире духов такое – нормально. Но здесь-то человеческий мир.

Женщина снова смеётся. Она сидит совсем рядом, но Стефан никак не может толком её разглядеть. Только волосы – тускло-зелёные, как пережившая зиму трава. И кожа довольно тёмная, тоже с травянистым отливом, явно под каким-то нездешним солнцем загорала она. А больше ничего увидеть не удаётся. То ли гостья такая зыбкая и мерцающая, то ли просто глаза слезятся от смеха, то ли это не слёзы, а

морская вода, потому что Стефан по-прежнему счастливая лёгкая щепка, кружится и танцует в невидимых волнах, сам чёрт этой щепке не брат.

– Прикручивать нечего, – наконец говорит зелёная женщина. – Я же не морок какой-то на тебя навела. Наоборот, лишила последних иллюзий на собственный счёт. Ты – вот такой. И ощущаешь течение жизни именно так. Это естественное для тебя состояние, а не какой-то специальный особенный «кайф». Сама понимаю, что в человеческом мире оно может создать определённые затруднения, особенно с привычки. Но ничего не поделаешь, привыкай.

– Я тебя знаю.

Стефан не спрашивает, а утверждает. Он наконец-то вспомнил, где и когда впервые вот так же почувствовал себя легкомысленной щепкой, пляшущей в неизъяснимых волнах. На Великом Пороге мира, условно говоря, высших духов; дурацкое конечно определение для существ, чьё дыхание движет Вселенной, вынужденная дань беспомощности человеческого языка. Он был тогда совсем молодой, неопытный, каких только ужасов ни наслушался про этот Великий Порог, который, конечно, не потаённое место, куда можно пешком добраться, не дверь, не врата, а процесс – персональная трансформация, превращение во что-то иное, переход. Человеку с воображением о таком даже думать невыносимо, но Стефан тогда решил: чёрт с ними, пускай пугают, да пусть хоть живьём сожрут, если надо. Всё равно хочу пробраться

в их сияющий заоблачный рай. Однако вместо обещанных ужасов в момент перехода его охватило вот такое же сокрушительно острое счастье. Стефан, хоть и был тогда молодым дураком, сразу понял: именно так и надо, это и есть настоящий я.

– Знаешь, – соглашается гостья. – Но вряд ли всё-таки лично меня. Строго говоря, я же – просто уместная в сложившихся обстоятельствах персонификация небольшой части той силы, которая обнажает суть всего, что окажется в зоне её внимания, в непосредственной близости к ней. Потому ты сейчас и кайфуешь, что твоя настоящая суть обнажилась. Кем бы ты ни родился, что бы сам о себе ни думал, а по сути ты – наш. Самое смешное в твоей истории, что ты был уверен, будто ловко прикинулся духом. Всех перехитрил, такой молодец! А на самом деле, если ты тогда кого-то и обвёл вокруг пальца, то только себя самого. Не будь ты одним из нас, ты бы просто в силу своей природы мимо Последнего Стража Порога и не прошёл.

– Ишидель, – наконец вспоминает Стефан.

На самом деле он не то чтобы забывал, но когда ты человек в человеческом мире, пусть даже в сильном, умелом шаманском теле, воспоминания о мирах высших духов окутывает своего рода туман, скрывающий несовместимые с текущим существованием подробности и детали.

– Ишидель, – повторяет он. – Последний Страж Порога, так тебя называли. Ну ничего себе, кто к нам в гости пришёл.

– Рада, что ты вспомнил именно это имя. Одно из самых добрых моих имён. Но я не пришла к вам в гости. Это вы сами пришли на Порог. А где Порог, там и я, это вполне неизбежно. На то и Порог, чтобы там рассеивались иллюзии и обнажалась суть.

Попробовав вино, Ишидель одобрительно добавляет:

– Действительно неплохое. А мне нелегко угодить! Я, конечно, просто скромная персонификация небольшой части силы, не имеющей ни малейшего отношения к вдумчивой дегустации вин, но где ни проявлюсь, почему-то сразу оказывается, что в местных винах я разбираюсь. Такой у меня, как ты выражаешься, божий дар.

И снова смеётся. Стефан тоже, хотя ему уже не особо весело. Он постепенно начинает кое-что понимать.

– На Порог, говоришь, пришли, – повторяет Стефан. – Даже не буду спрашивать, что тут нынче у нас за Порог, сам примерно догадываюсь, чутьё не пропьёшь. Но кто именно «мы»? Весь мир, или только наш город?

– Сложно сказать, – безмятежно улыбается гостья. – Если думать об этом человеческой головой, которая явно создана не для дум, а только чтобы в неё пить вино, то вообще никто никуда не пришёл. Сам вокруг посмотри. Здешние люди остались такими, какими всегда и были; разве что, меньше дерутся, но не потому, что научились быть добрее друг к другу. Всего лишь стали боязливей и слабей. Какой им Порог? Зачем переход? Куда?! Это нелепо.

– Нелепо, – соглашается Стефан. – Но ты почему-то здесь.

– Потому что подобные вещи не человеческими головами обдумываются, а просто происходят, и всё. Ты же тут устроил какой-то, прости господи, филиал Весёлого Хаоса в отдельно взятом человеческом городе, построенном на земле. То, что у вас тут творится, возможно только на иных уровнях бытия. Ну, значит, добро пожаловать, если сможете. Вот такой у вас нынче Порог.

– За «филиал Весёлого Хаоса» спасибо, – почти невольно улыбается Стефан. – Всякий художник втайне мечтает о критике, который переоценил бы его мастерство.

– Да ладно тебе. Я не «критик». И переоценить ничего не способна. Равно как и недооценить. У меня ясный взгляд, что есть, то и вижу. «Филиал Весёлого Хаоса» – не комплимент, а попытка максимально точно описать ситуацию на понятном тебе языке. Один только чокнутый Всемогущий в роли городского духа-хранителя – уже отлично; о его напарнике даже не говорю, такое чудо впору у вас похитить и передать в музей. А у вас тут ещё взбесившееся пространство перебрасывает прохожих туда-сюда, как само пожелает. Да и с временем не то чтобы всё в полном порядке. Сколько лет назад мы с тобой сейчас тут сидим? – Ишидель смеётся и продолжает, не дожидаясь ответа: – Что открытых Проходов здесь на крошечной территории больше, чем на всей остальной планете, жители разных сторон реальности ежедневно бегают друг к другу в гости, живые люди наяву пируют в

наваждении высочайшего уровня блаженной достоверности, которое вам пока, по уму, даже в сновидениях созерцать не положено, это на фоне всего остального такие мелочи, что можно было не поминать. А что в этом наваждении почти полгода Старшая Бездна картошку чистила исключительно ради собственного ликования, за это тебе, конечно, отдельное спасибо. Главная новость многих тысячелетий, все, как ты сам в таких случаях выражаешься, стоят на ушах.

– Справедливости ради, Эну я сюда всё-таки не заманивал. Она сама.

– Естественно, ты её не заманивал. Старшую Бездну нельзя заманить. Зато соблазнить её можно. Этот город – то, во что он по твоей милости превратился, – теперь для многих великий соблазн.

– Что, перегнули мы палку? – прямо спрашивает Стефан. Он по-прежнему счастливая щепка в волнах вечного моря, но Энино пророчество про «вычитание» сейчас набатом звучит у этой щепки в ушах.

– Естественно, перегнули. И правильно сделали. Затем мы и есть, чтобы совершать то, что считается невозможным. Невозможное – воздух Вселенной. Если никто не будет совершать своё персональное невозможное, ей станет нечем дышать. Всё, что здесь, в этом городе было и будет сделано – бесценный дар. Но благодарность Вселенной, сам знаешь, не всегда бывает легко принять.

– И сейчас благодарность Вселенной выглядит как воз-

возможность перехода на новый уровень бытия? Порог, который мы, конечно же, не пройдем. Потому что чудеса чудесами, невозможное невозможным, а у нас тут пока вполне обычный человеческий мир. С некоторыми, я бы сказал, нюансами, не существующими для большинства его населения. Подавляющего большинства.

– Совершенно с тобой согласна, – безмятежно улыбается гостья. – Но Порог – вот он, здесь. И теперь всё будет, как будет. Вернее, как уже есть.

– И на этом Пороге каждый получит то, чего заслужил? – спрашивает Стефан, одновременно невольно прикидывая: «Интересно, хоть кому-то, кроме меня самого, в ближайшее время будет здесь хорошо?»

– Это крайне неудачная формулировка. Нет такой опции – «заслужить». На Пороге никаких заслуг не бывает. Только полная ясность. Все и всё как есть, без иллюзий. Я не наказываю и не награждаю. Я обнажаю суть.

В подавляющем большинстве случаев это и есть наказание, – думает Стефан. – Не зря меня когда-то Порогом пугали. То есть лично меня, как выяснилось, зря. Но когда проживёшь в человеческом мире подольше, начинаешь понимать, почему для многих страшнее Порога ничего в мире нет.

Но вслух он не спорит. Только говорит:

– Ну, трындец.

– Да, – легко соглашается с ним воплощённый трындец по имени Ишидель. – Но с некоторыми нюансами, как всё здесь

у вас. Всегда и везде находятся те, для кого Порог – величайшее благо. Но не все могут сами к нему прийти. Здесь, ты знаешь, этому просто не учат. Тебе в своё время повезло узнать хотя бы азы той примитивной науки, которая среди твоих соплеменников считалась магией. Примитивная-то она примитивная, но не уверена, что ты бы справился со своей человеческой участью без этих азов. Даже ты! А нынешним просто не с чего начинать. И тут вдруг такая удача – Порог пришёл к ним сам. Невероятный, немыслимый, фантастический шанс.

– Это правда, – оживляется Стефан. – И в корне меняет дело. Ради одного этого имело смысл сдуру весь мир на Порог привести! Спасибо, что подсказала, вообще-то сам сразу должен был бы сообразить.

– То-то и оно, – улыбается гостя. – Говорю же, человеческая голова годится только на то, чтобы в неё пить вино. И есть печенье. Кстати, за печенье спасибо, отличное. Тоже небось наугад выбирал?

– Я за город очень боюсь, – признаётся ей Стефан. – Всё остальное – чёрт с ним, пусть будет как будет; в конце концов, я люблю экстремальные развлечения, именно ради них всё когда-то и затевал. Но мой город! Бедное моё сердце. Я бы лучше сам на тысяче самых страшных чужих, чьих угодно Порогов за него постоял.

– Ты в нём не уверен? По-моему, зря.

– Не знаю, – говорит Стефан. – Я просто не знаю. – И спо-

хватившись, что город его окружает сейчас и всегда, а значит, всё слышит, поспешно добавляет: – Прости меня, дорогой. Ты лучше всех в мире. Но суть у тебя, скажем так, непростая. Ты – город-сон, мечта, мастер иллюзий, фокусник, каких поискать. Я только поэтому не уверен, что ты устоишь на Пороге. Просто не знаю, что без иллюзий останется от тебя.

– Скоро узнаешь, что от него осталось, – безмятежно отвечает ему Ишидель.

– Скоро?

– Ну да. Допьёшь вино и пойдёшь поглядишь, как он справился. Ты, конечно, бойся, ни в чём себе не отказывай, когда ещё выпадет такой шанс. Но если бы мы пари заключали, я бы, пожалуй, поставила на него.

– Допью вино и пойду поглядеть? – переспрашивает Стефан. – Хочешь сказать, всё решится так быстро? За полчаса? Мне казалось...

– Что тебе казалось, совершенно неважно, – перебивает его Ишидель. – Всё равно в таких делах можно только гадать. Никогда заранее не известно, как долго придётся стоять на Пороге. Кому-то и секунды достаточно, но мне встречались и отдельные существа, и целые реальности, которые натурально столетиями на своих Порогах стоят. Однако сколько бы времени это ни заняло, ты выйдешь отсюда только в тот день, когда процесс завершится – даже если прямо сейчас, бросив бокал, побежишь.

– Вот оно как, – откликается Стефан. – Ловко придумано: в прошедшем дне меня запереть.

– Это не мои злые козни, – улыбается Ишидель. – Так получилось. Само, естественным образом. И легко понять, почему. Ты – иллюзия, миф, наваждение; какого именно класса, потом придумаешь сам. Не часть этого мира, а внешняя сила, как любой из высших духов, приходивших сюда. Ты – наш по сути, как я уже говорила. Твой личный Порог давно уже пройден. Поэтому ты не в игре.

Стефан больше не счастливая щепка, скорее счастливая льдинка, так похолодело внутри. Но неизъяснимое море, в волнах которого он танцует, осталось на месте, никуда от него не ушло. «Ну трындец, – думает Стефан. – Без меня всё точно развалится, не перейдёт Порог. Без меня невозможное – невозможно. Я хозяин этого города, его сердце и сила, щит и опорный столб».

Одновременно он думает: «Глупости, ничего без меня не рухнет. Не надо делать из мухи слона. Я сейчас похож на свихнувшегося строителя, который боится, что стоит ему уехать из города, в тот же миг развалятся все построенные им дома».

Одновременно он думает: «Интересно, как наши без меня будут выкручиваться? Я бы это кино посмотрел! Они, конечно, потом всё расскажут, но я свои кадры знаю: половину фактов нечаянно перепутают, а другую нарочно, из любви к искусству наврут».

Одновременно он думает: «Ладно, чёрт с ними, пусть сочиняют, что захотят. Правду мне деревья расскажут. И реки, и травы. Мои фонари, тротуары, стены домов и земля».

Одновременно он думает: «А всё-таки свинство собачье, что нельзя позвонить из сентября ноль шестого в нормальный человеческий сегодняшний день, сказать Каре, чтобы Ханна-Лора временно выделила бюджет на зарплаты моим сотрудникам, Альгирдасу – что он с отпуском пока пролетает, потому что остаётся за старшего; ох, да много чего надо им всем сказать».

А вслух говорит:

– Только теперь осознал, какой я на самом деле смешной. Вроде такой момент драматический: человеческий мир внезапно пришёл на Порог, переступить который ему ни при каких раскладах не светит, я сижу взаперти почти четырнадцать лет назад, пью вино с воплощённым Последним Стражем, вовсю наслаждаясь своей сияющей сутью. И как ты думаешь, что при этом у меня в голове? Что послезавтра надо платить зарплату сотрудникам, а я совсем не уверен, что без меня уцелеет сейф в моём кабинете. Да и сам кабинет. И вот это не дело. Мои ребята, при всех их достоинствах, всё-таки люди. Органические, прости господи, существа. Значит их надо кормить и держать в тепле. А, к примеру, Татьяна и Саша живут в съёмных квартирах, насчёт остальных не уверен, не узнавал. Моя ошибка, надо было с самого начала не платить им зарплату, а просто научить грабить банки. Вот

уж кого совершенно не жалко ограбить, так это банк! Но я сдуру заигрался в доброго полицейского. Такие прекрасные возможности продолбал. Теперь придётся идти выдавать им зарплату, куда деваться, сам виноват. Прости, дорогая. Шикарный был замысел у вас с Вселенной – вывести меня из игры, чтобы она была честной. Сам бы на вашем месте так поступил.

И отменяет на хрен непомерно затянувшееся двадцать первое сентября две тысячи шестого года и всё, что сегодня произошло. Благо, как уже было сказано, отменить невозможное событие очень легко.

– Хороший ход, – одобрительно говорит Ишидель.

Говорить-то она говорит, но Стефан её не слышит. Некого ему слышать, нет рядом с ним никого.

Стефан уже почти три часа ходит по городу Хозяйским шагом, причём без толку. К такому он не привык! Стефан растерян и, чего уж там, зол. И голоден, как недовоплотившийся тудурамус. И устал, как Вечный демон в человеческой шкуре, что совершенно неудивительно. Это же только когда колдовство удаётся, от него прибавляется сил.

Но все эти чувства – усталость, растерянность, злость, даже голод – какие-то бледные, неубедительные, не захватывают его целиком. Потому что Стефан по-прежнему возмутительно, до безобразия счастлив. Вечное незримое море несёт и кружит его.

Может быть, — наконец понимает Стефан, — нет никакого могущественного дарителя? Некому принимать приглашение, отзываться на моё колдовство? Просто я сам изменился? Потому что время пришло? Или даже не время, а место? Может, в последние годы мы здесь слишком много колдуем, поэтому город окончательно превратился в филиал мира духов посреди обычной человеческой планеты Земля? Если так, то понятно, почему я себя так странно чувствую. В мире духов это нормально вообще.

Ладно, грех жаловаться, — думает Стефан. — Состояние-то шикарное. Невероятный кайф. А что оно пока не особо рабочее, так это просто дело привычки. Ничего, я быстро ко всему адаптируюсь. Вон злиться уже научился. И как последний дурак уставать.

Стефан берётся за телефон, чтобы позвонить Каре и сказать, что скоро придёт. Но снова прячет его в карман: сначала переодеться. И бутерброд сунуть в зубы. Хлеб с ветчиной дома, вроде бы есть. А нет, так появятся, — весело думает Стефан. — Дом не допустит, чтобы я остался голодным. Это же мой дом.

* * *

Стефан привычным жестом толкает калитку, делает шаг и только тогда понимает, что это больше не его дом и сад. Вернее, что день не тот, когда дом и сад принадлежали ему

безраздельно. Дом на месте и сад на месте, а день исчез.

Рано или поздно это должно было случиться, – думает Стефан. – Только я был уверен, что сам, своей волей всё отменю... Стоп, так может, и отменил? Ничего такого не помню, но это как раз нормально. По идее, так и должно быть. если уж отменил, то вместе с собой отменяющим, и всем остальным. – И устав притворяться невозмутимым и мудрым, добавляет уже от сердца: – Ну ни хрена себе, чокнуться можно, чего я наворотил!

Ладно, – говорит себе Стефан. – Сейчас разберёмся. Это место когда-то было моим. Оно меня знает и любит. И если я попрошу, постарается вспомнить даже то, чего не было. И мне рассказать.

Стефан проходит в сад и садится прямо на влажную голую землю в том месте, где когда-то стояли старые кресла и шаткий стол. О настоящих хозяевах он не беспокоится. Их сейчас или нет, или дома сидят, закрыв окна плотными шторами. И будут сидеть, пока Стефан не покинет их сад. Он для этого ничего специально не делает, само получается. Иначе не может быть. Даже в человеческом мире это один из основных законов природы: когда шаман занят серьёзным делом, люди не могут ему помешать.

Кара

март 2020 года

Это было совершенно не похоже на Стефана – сперва попросить, чтобы сегодня ни в коем случае не уходила на Эту Сторону, потому что обязательно надо встретиться и кучу всего обсудить, а потом полдня не отвечать на звонки. Наконец перезвонить, сказать неразборчиво, заплетающимся, как у пьяного языком: «занят по горло, объявлюсь ближе к вечеру, или не объявлюсь», – бросить трубку, даже не поинтересовавшись, чем закончилась утренняя охота на хищную Чемскую Шпоть, внаглую проявившуюся наяву, и сгинуть с концами. До такой степени, что от тотального отсутствия шефа Граничной полиции чуть не исчез его кабинет вместе со всем остальным вымышленным четвёртым этажом под крышей Второго Полицейского комиссариата. Освежающий, мать его, новый мистический опыт, который Кара предпочла бы не повторять.

Коллеги рассказывали, что раньше такое уже случалось, четвёртый этаж исчезал, а потом всегда возвращался на место, так что не стоит переживать. Но у Кары всё равно сдали нервы, когда знакомое, обжитое, надёжное, как ей до сих казалось, пространство отдела Граничной полиции, распо-

ложенное над настоящим Вторым Полицейским комиссариатом, на однажды приснившемся Стефану четвёртом дополнительном этаже, задрожало, как студень, потолок угрожающе приблизился к полу, а за окнами стало темно, и замелькали городские огни, так далеко внизу, словно смотришь из самолёта, а не с высоты четвёртого этажа. Кара, конечно, никогда не летала на самолётах, но на фотографиях, сделанных перед посадкой, ночные города выглядели именно так.

Буквально минуту спустя всё встало на место, включая виды из окон, но Кара пулей выскочила на улицу. Долго бродила по пустым окрестным дворам, тщательно пересчитывая цветущие крокусы (девятьюсто четыре) и время от времени прикладываясь к фляге с коньяком. Вроде взрослая тётка, важная шишка в Граничной полиции, глава департамента по связям с Другой Стороной, чего только в жизни ни навиделась, и вдруг такой ерунды испугалась, самой смешно.

В общем, настолько безалаберное поведение было совершенно не похоже на Стефана. А ещё меньше похож на Стефана оказался он сам, когда осунувшийся, словно месяц просидел на строжайшей диете, взъерошенный, с пылающими очами ворвался в свой кабинет, размахивая колбасой – натурально палкой сырокопчёного сервелата, от которой он время от времени откусывал здоровенный шмат, а всё остальное время демонстрировал ею условно боевые приёмы, как юный косплеер пластиковым мечом.

– Ты что, наконец-то сумел напиться? – сообразила Кара. – Взаправду, как нормальные люди? Сбылись мечты?

– Гораздо хуже, – ответствовал шеф Граничной полиции, победоносно вращая в воздухе колбасой. – Слышала погоду: «пьяный проспится, а дурак никогда»? У меня второй случай, и это не лечится. Внезапно выяснилось, что такова моя суть. Ладно, суть значит суть, куда от неё деваться. Переживу как-нибудь. Ты чего днём мне звонила? Что-то стряслось?

– Да много чего стряслось, – усмехнулась Кара. – В частности, ты продолбал совещание, которое сам же назначил. Всё остальное на фоне этого – мелочи. Полная ерунда.

Вместо того чтобы наброситься на неё с расспросами, что у нас нынче называется мелочами, и не надо ли от этого лютого ужаса всех срочно спасать, шеф Граничной полиции взмахнул колбасой крест-накрест, словно бы перечёркивая Карины слова.

– Ладно, неважно. Все живы?

Кара удивлённо кивнула.

– И хорошо. Значит, слушай. Диспозиция такова. Я в любой момент могу исчезнуть с концами. Неизвестно на какой срок. Может на пару дней, а может на годы. По моим прикидкам, вероятность такого развития событий уже довольно невелика, но шанс всё-таки есть. В этом случае у вас могут начаться нелады с помещением, и лучше бы нам с тобой придумать заранее, где вас всех разместить.

– Нелады с помещением у нас уже начались, – мрачно откликнулась Кара. – Я чуть ума не лишилась, когда потолок к полу придвинулся, а за окнами нарисовался вид на ночной город с невообразимой высоты.

– Да, с непривычки должно быть довольно сильное впечатление, – легко согласился Стефан. – Зато в следующий раз не растеряешься, опыт у тебя уже есть.

– Не уверена, – вздохнула Кара. – Думала, у меня железные нервы, но оказалось, мне слабо сидеть в исчезающем кабинете и вместе с ним исчезать.

– Ты на мой морок не наговаривай! – рассмеялся страшно довольный Стефан. – Он же не какой-нибудь хищный плотоядный мираж. Сроду такого не было, чтобы вместе с этим помещением исчез живой человек! Обычно или внезапно просыпаются дома, или просто оказываются на улице, некоторые счастливики даже в своих пальто, а не в каких-нибудь дурацких золочёных плащах. Хотя, справедливости ради, именно с верхней одеждой у нас часто случались накладки, я Татьяне дважды деньги за сгинувшие пуховики отдавал... Так, деньги же! Самое главное. Как доберёшься до дома, сразу поговори с Ханной-Лорой. Пусть придумает, как вписать наши зарплаты в ваш бюджет. Надеюсь, что не понадобится, но всё-таки лучше пусть будет запас. Если я сгину, вместе со мной наверняка испарится и сейф, откуда я регулярно достаю конверты с зарплатами. Самый полезный из моих миражей! И это может оказаться серьёзной пробле-

мой. В человеческом мире без денег долго не проживёшь. Не сидеть же ребятам безвылазно в сновидениях. А даже если сидеть, всё равно каждому понадобится, как минимум, койка в хорошо протопленном помещении. И время от времени что-нибудь наяву пожрать. Я сам дурак, не научил своих сотрудников грабить банки. Так заигрался в настоящее полицейское отделение, что просто в голову не пришло.

– Ну так сейчас научи, – усмехнулась Кара. – Лучше поздно, чем никогда. И твоим людям наконец хоть какая-то польза от работы в Граничной полиции, и нам экономия... Ладно, ладно, шучу. Не беспокойся. Это вообще не вопрос. У Ханны-Лоры шикарный бюджет на непредвиденные расходы; по моим прикидкам, на эти деньги можно содержать небольшой королевский двор. Но это, кстати, не означает, что ты можешь исчезать с чистой совестью. Даже не вздумай, эй!

– Да я и сам не то чтобы рвусь. Просто давно заметил, что неприятностям не нравится наступать, когда к ним хорошо подготовились. И втайне рассчитываю, что это сработает, – ответил Стефан, снова вгрызаясь в свою колбасу.

Воцарилась пауза, но не тягостная, а наоборот, в высшей степени жизнеутверждающая. Вот что неизменно радует сердце, – подумала Кара. – Когда у тебя на глазах голодный становится сытым. Блаженны пекари и повара!

– Если твой четвёртый этаж окончательно рассосётся, можно обосноваться у меня дома, – наконец сказала она. –

Квартира огромная. Места ещё и побольше, чем тут у тебя.

– И отличный вид из окна на площадь Восемидесяти Тоскующих Мостов, – подхватил Стефан. – Мои кадры небось немедленно разбегутся по вашим ярмаркам и кабакам. И правильно сделают. Какая на фиг работа, когда наяву угодил на изнанку. Сам бы на их месте сбежал.

– А чего на своём не сбегаешь? Или сбегаешь? Вроде никто никогда не видел тебя у нас.

– Теперь и не увидит. А в юности я у вас практически безвылазно сидел. Но оказалось, Этой Стороне моя любовь не на пользу. Очень она от меня устаёт. Эй, не хмурься. Это не драма. Просто факт. И кстати о фактах. Только не падай, я стал бездомным. Главный городской бомж!

– Что?!

– Что слышала. Дома у меня больше нет.

– Тоже устал от тебя? – обрадовалась Кара.

– Да по-моему, не особо, – подумав, серьёзно ответил Стефан. – Будь его воля, я бы там ещё жил и жил. Просто, ну, понимаешь, всё-таки время есть время. С ним шутки плохи. Даже те, которые хороши. Короче, мой дом в сентябре шестого отменился на хрен. И вместе с ним, что отдельно прекрасно, мои запасные штаны и другие сногшибательные наряды, включая тельняшку и меховое боа, позаимствованное у одного симпатичного манекена, уже не помню, зачем. Очень досадно! Квартиру-то я себе мигом выдумаю, ещё и получше прежней, а вот за одеждой по магазинам придётся

ходить. Как же я это всё не люблю!

– Хрен ты сейчас походишь по магазинам, – усмехнулась Кара. – Господь милосерден, избавил тебя от мук.

– Это каким же образом? Он, что ли, сам мне трусы и носки купил?

– Обойдёшься. Не для того его роза цвела, как говорит в таких случаях наш общий друг. Просто все магазины закрылись на карантин.

– На что, прости, они закрылись?

– Шеф, ты чего? – изумлённо спросила Кара. – Ты что, с неба свалился? И новости не читал?

– Насчёт неба в точку. Свалился. Хотя, как несложно заметить, отчасти всё ещё там. А новости я никогда не читаю. Зачем они мне нужны?

– Например, чтобы своевременно узнать о закрытии магазинов, – ехидно сказала Кара. – И сделать запасы. А теперь придётся тебе придумать какой-нибудь тайный мистический способ обходиться без новых штанов.

– Да ничего не надо придумывать, – отмахнулся Стефан. – Нет никакой проблемы. Я и так хожу по магазинам только после закрытия. По ночам. А теперь, получается, можно в любой момент, когда пожелаю. Очень удобно! Как по мне, пусть закрытыми и стоят.

Криво улыбнулся, стукнул колбасой по столу, как аукционист молотком, подошёл к окну, распахнул его, высунулся наружу чуть ли не по пояс и долго так простоял. Кара по

опыту знала, что шеф Граничной полиции таким незатейливым способом узнаёт о событиях в городе, и помалкивала, чтобы ему не мешать.

Наконец Стефан спросил:

– Это только у нас решили устроить панику на почти ровном месте, или во всём мире так?

– Примерно во всем, как я понимаю.

– Ясно. Они, конечно, допрыгаются. Что угодно можно сделать опасным, умножив его на панический страх. Ладно, чего я хотел, люди есть люди. Из бесконечного числа возможностей всегда безошибочно выбирают наихудший вариант. С другой стороны, нам это даже на руку.

– На руку? – оживилась Кара. – Каким это образом?

– Увидишь, – пообещал Стефан. Прозвучало почти угрожающе, но он тут же улыбнулся так тепло и сердечно, словно встретил Кару после долгой разлуки. Сказал: – Хорошо, что ты с нами, моя дорогая. Отлично повеселимся. Ух, чего сейчас попрёт из щелей! Давай всех своих вызванивай, а патрульных я сам разбуду. Если назначала на вечер свидание, отмени. Засядем минимум на полночи. Есть о чём побеседовать. Интересные начинаются времена.

Эва

март 2020 года

С начала весны Эва жила как в тумане; на самом деле, не «как», это и был туман, только застилал не глаза и даже не мысли, а восприятие происходящего, отменял не ясность, а значимость. Всё не важно, меня не касается, всё равно, чем теперь заниматься, как проводить время, кем, какой быть – переписываться с заказчиками, или бережно провожать в неведомое страдалцев, умерших больше полувека назад, или сидеть в парикмахерской, или обниматься с галлюцинацией, примерещившейся в который по счёту раз, или разговаривать с мамой по скайпу, или плакать от самой непонятного счастья на краю Бернардинского кладбища, на руинах одной из безымянных могил, или пить кофе с подружками, или есть котлеты в компании духов и оборотней, или покупать в супермаркете пять кило муки наваждению, которое позвонило по обычному городскому номеру: «Выручай, дорогая, мы сегодня в двух шагах от твоей работы, а я не успеваю выскочить в магазин». Всё очень мило, ничего не имеет значения, просто такая жизнь. Но пусть происходит, пусть будет, остаётся и прирастает подробностями, потому что любое событие и явление кажется очень красивым, гар-

моничным, самодостаточным, когда смотришь и слушаешь, проживаешь их сквозь этот туман.

Важным казался сейчас только отпуск, назначенный на апрель. Вот он по-прежнему имел значение, ослепительный, затмевающий все остальные смысл. Отпуск на изнанке реальности! В несуществующем мире; ладно, условно не существующем, с точки зрения нормальных людей. И не просто очередная прогулка с подружкой по уже более-менее знакомому потустороннему городу и его кабакам, а долгая поездка через какие-то галлюциногенные территории хаоса в загадочный Элливалль. Причём не развлечения ради, а по личному приглашению тамошнего мёртвого жреца, – на этом месте можно начинать истерически хохотать.

Впрочем, истерически Эва хохотала только однажды – когда узнала из новостей, что из-за карантина внезапно захлопнулись границы между всеми странами, и у кучи народу накрылись запланированные отпуска. Вроде никогда не была ни особо предусмотрительной, ни везучей в житейских делах, наоборот, как мама часто шутила: «бедному жениться – ночь коротка». Но отпуск у тёплого моря в другом измерении очень своевременно себе организовала. Хитренькая какая! – смеясь, говорила она Каре, которая каким-то чудом сбежала с работы ради пикника у реки, и Иоганну-Георгу, который в тот вечер любезно им примерещился с бутылкой муската в прибрежных кустах.

Чем ближе становился этот немислимый отпуск, тем глуб-

же Эва погружалась в туман, который делал её повседневную жизнь похожей на сон, и это, конечно, было настоящим спасением. Во сне ещё и не такое возможно. Значит, спим дальше. Иди к чёрту, явь.

Гест говорил ей: этот туман – лучшее, что могло с тобой случиться. Это туман перехода, милосердный пограничный туман. Ум мутится ровно настолько, чтобы ты с него не сошла.

Гест говорил ей: ты сейчас переходишь границу, которая пролегает между тобой и тобой. Между человеком, которым ты здесь родилась, и существом, которым когда-нибудь станешь. А вот прямо сейчас ты – само превращение. Не столько персона, сколько процесс.

Гест говорил ей: на самом деле это прекрасный период. Ты представить не можешь, с какой нежностью будешь потом его вспоминать. Будь моя воля, я бы каждый день превращался во что-то иное, ради радости быть процессом. Но так часто почему-то нельзя.

Гест говорил ей: не тревожься, чем бы дело ни кончилось, самое страшное с тобой не случится. Превжней девочкой Эвой, которая может пойти на попятную и отказаться от своей чудесной судьбы, ты уже никогда не станешь. Дороги назад больше нет.

А когда Эва холодела от этого «нет», Гест улыбался и гладил её по голове. Его прикосновение было даже лучше ту-

мана, или оно само и было туманом, или Эва в такие моменты вся целиком становилось пограничным туманом, и больше уже никем./

Впрочем, туман туманом, но с текущей работой как-то справлялась и порядок в доме худо-бедно поддерживала, и ежедневно утешала по скайпу и вайберу перепуганных новостями маму с сестрой. И чемодан собирала – не торопясь, заранее, вдумчиво, дотошно расспрашивая Кару о капризах элливальской погоды. Даже купальник взяла. И предусмотрительно наврала всем заинтересованным лицам про грядущую информационную интоксикацию, что в отпуске якобы по совету психолога отключит все средства коммуникации, не только интернет. Удивительно, но враньё зашло как по маслу, даже мама горячо поддержала идею: давно пора! В этом смысле времена сейчас довольно удобные, твори что угодно, главное, не забудь объяснить окружающим, что это не сдуру, не для собственного удовольствия, а психолог за деньги рекомендовал.

Третье море весеннего цвета серы, цвета бабочки, цвета трясины, цвета вещевого мешка

Нёхиси

апрель 2020 года

В городе пусто, по улицам почти никто не гуляет; это, слава богу, не запрещается, но горожане так боятся хорошо разрекламированной болезни, что добровольно сидят по домам. А тем немногим, кто выходит на опустевшие улицы, достаются все весенние чудеса, которые на безлюдье окончательно обнаглели и, не скрываясь, творятся среди бела дня.

В частности, если бы кто-то шёл сейчас по улице Аукштайчу, где уже расцвела самая первая в городе дикая слива, торопыга, каких не видывал мир, мог бы без всякой спецподготовки увидеть обычными человеческими глазами, что на ветках цветущего дерева сидят два, прости господи, эльфа – лохматых, босых и с сигарами в сияющих, словно бы жидкой

радугой облитых руках. Один, невзирая на это призрачное свечение, выглядит, как здоровенный мужик, другой немного помельче, но разница несущественная. Не настолько он мельче, чтобы на такой тонкой ветке сидеть. Впрочем, под здоровенным ветка тоже не гнётся, как под каким-нибудь воробьём.

– Натурально сбылась золотая мечта моей мизантропической юности, – говорит здоровенный. – Как же я тогда хотел оказаться в мире, где нет людей! Ладно, примерно сотню я, так и быть, соглашался оставить: моих друзей, Нину Хаген, ещё нескольких музыкантов, всех Новых Диких в полном составе и писателя Борхеса, благо старик тогда был ещё жив. И больше никого нам не надо. Отлично без человечества проживём. Кофе, вина и консервов надолго хватит, если все мировые запасы поделить на несчастную сотню ртов, значит, с производством можно не заморачиваться, а просто жить в своё удовольствие – так я тогда рассчитал. Но будешь смеяться, я на всякий случай научился чинить сантехнику и проводку. И ещё разное по мелочам. Ясно же, что Борхес и Нина Хаген вряд ли помогут, если вдруг что.

– Самое прекрасное в этой истории, что ты не просто мечтал о чём-то совершенно для тебя невозможном, а технически к нему подготовился.

– Слушай, ну мало ли. Вдруг мечты возьмут и каааак сбудутся! Никогда не знаешь, где тебе повезёт. А я же цаца ба-лованная. Ни при каких обстоятельствах не желаю кофе ва-

ритель на лучине и справлять нужду под кустом. Но оказалось, ни к чему нельзя заранее подготовиться. Хотя убейся, не угадаешь, что надо делать, и как. Потому что мечты сбываются не для мечтателя, а для того, кем он когда-нибудь станет. И не в том виде, как было задумано, а как захочется левой пятке кого-нибудь из сотрудников Небесной Канцелярии. Но мне-то грех обижаться. Тебя бы я не придумал, сколько бы ни мечтал. А себя вот такого – тем более. Смешная штука моя судьба.

– Моя тоже смешная, – откликается тот, что помельче. – Не представляешь, как я этому рад! – И тут же превращается в нечто вроде нарисованного неумелой детской рукой дракона с осьминожьими щупальцами и как минимум сотней разноцветных сверкающих глаз, разбросанных по всему телу где редко, где густо, как мелкие жёлтые сливы в траве в урожайный год.

* * *

В этот момент на улице Аукштайчу появляются двое – взрослая женщина, одетая для спортивной прогулки, и франтоватый, словно нарядившийся для вечеринки молодой человек. Останавливаются в нескольких метрах от забора, за которым растёт цветущая слива, некоторое время молча смотрят на, прости господи, эльфа и как бы условно дракона, удобно расположившихся на ветвях, наконец перегляды-

ваются: «Ты тоже видишь?» – «Ага!» – «Так становятся духовидцами и пророками» – «Сходят с ума» – «Ай, да какая разница, лишь бы не перестали показывать» – «Дорогие галлюцинации, продолжайтесь, пожалуйста! Будьте у нас всегда!» – и дружно хохочут от невозможности ни согласиться с увиденным, ни от него отказаться, да и просто от радости, от которой здесь воздух дрожит.

– Да, вот ровно настолько смешная, спасибо, – невозмутимо говорит крылатый дракон с глазами и щупальцами после того, как случайные свидетели его бытия, то и дело оглядываясь и пихая друг другом локтями: – «Мама, что это было?» – «Не было, а есть, я их ещё вижу» – «Я тоже вижу, а телефон не берёт!» – шатаясь, как пьяные, уходят куда-то в сторону новых прибрежных домов.

– Смешная-то она смешная, а всем остальным всемогущим тоже не помешало бы так влипнуть, – продолжает он, ухватившись за ветку одним из щупалец и раскачиваясь на весеннем ветру. – Потому что только умалив себя до почти отсутствия, способное поместиться в этот ваш хрупкий человеческий мир, получаешь возможность ежедневно осознавать себя не чем-то само собой разумеющимся, а невозможным, невысказанным чудом. Тем, что ты на самом деле и есть!

– «До почти отсутствия»? – с интересом переспрашивает здоровенный. – Это какое же масштабное должно быть присутствие, если «почти отсутствие» выглядит так!

– Да, по здешним меркам я довольно огромный, – скром-

но соглашается чудо-дракон. – Но разница несущественна. Это, знаешь, как песня остаётся одной и той же вне зависимости от того, под нос ты её напеваешь или во весь голос орёшь.

На какое-то время над цветущим деревом, улицей и текущей мимо рекой воцаряется такая умиротворённая тишина, что в небе появляются антрацитово-чёрные бабочки с размахом крыльев, как у странствующего альбатроса¹¹ и, окружив над пустынным городом, улетают неизвестно куда. Ну, это как раз нормально, вполне обычное дело, из молчания Нёхиси чего только порой не рождается. Вот и сейчас.

– Интересно, их кто-то ещё увидит? – спрашивает здоровенный, будем считать, что эльф.

– Да запросто. Если уж даже нас увидели. Для тех, кто гуляет по настолько безлюдному городу, ничего невозможного нет.

– Вот это самое невероятное. О таком я даже и не мечтал, когда дурил головы всем, до кого дотягивался, и при этом всегда понимал, до какой степени этого мало – даже не капля в море, а молекула в океане, не о чем говорить. Хорошо же наши горожане устроились! Ничего руками и священными мантрами делать не надо, достаточно просто выйти из дома, и все чудеса мира твои. Причём не только странные зрелища, вроде бабочек, или нас. Такие события происходят! Та-

¹¹ То есть примерно 3,5 метра

кие делаются дела! Боюсь, я за все эти годы столько не натворил, сколько с начала весны случилось совершенно самостоятельно, словно иначе и быть не могло. Я видел, как одна девчонка встретилась со своей тайной тенью – здесь совсем рядом, в холмах. Стояли, прижавшись друг к дружке, спина к спине, как положено; чем дело кончилось, я не знаю, ушёл, чтобы им не мешать. И как другая девчонка, обнявшись со старым деревом, за десять минут прожила всю его долгую жизнь, и теперь знает и умеет всё, что умеют старые деревья. В каком-то смысле она и есть старое дерево, хотя с виду по-прежнему человек. И как двое мальчишек гуляли вон по тому холму – один наяву, а второй в это время спал в тысяче километров отсюда, но выглядел настолько вещественным, что даже я не сразу понял, что с ним не так. Интересно, где он в итоге проснулся? Вот смеху будет, если у нас!..

– Это всё-таки вряд ли, – говорит стоглазый дракон, постепенно принимая форму плоского воздушного змея; похоже, он позавидовал бабочкам и теперь тоже хочет летать. – Готов спорить, что его перехватили сотрудники Стефана и отправили просыпаться туда, где он улёгся спать. Они за этим следят очень строго, не потому что такие уж вредные, просто подобные перемещения в человеческом теле лучше не совершать. Оно целиком, понимаешь, не собирается. Совершенно не представляю, какие тут могут быть затруднения, тем не менее, это так.

– Да вредные они! – смеётся условный эльф. – До жути

они там все вредные, Стефан команду под себя подбирал. Но может, для дела оно и неплохо. Я же помню, как был человеком. Ужасно хлипкая конструкция, от любой ерунды ломается! Так что начинающих гениев, которые сами не понимают, как у них чего получилось и зачем оно было надо, и правда, лучше превентивно спасать... Но вообще удивительно, что у нас тут творится сейчас! Я же сперва, когда началась эта паника, был уверен, что мир сейчас от избытка страха окончательно и бесповоротно испортится, а вышло вот так.

– Избыток страха ни одной реальности не на пользу, тот ещё яд, – соглашается воздушный змей в форме дракона и взмывает ввысь. Впрочем, тут же возвращается, устраивается поудобнее, обмотав хвостом цветущую ветку, чтобы его невесомое тело ветром не унесло, и рассудительно говорит: – Но иногда, сам знаешь, и от яда бывает польза, если правильно его применять. Вот и сейчас люди попрятались по домам и так заняты своим страхом, что им просто внимания не хватает на весь остальной мир. Не видят его, не слышат, не думают ни о чём, кроме себя, и не мешают проявляться тому, что у них считается невозможным. Не смотрят под руку, я бы сказал. Зато каждый, кто сейчас выходит из дома, сразу оказывается в настолько необычной для себя обстановке, что заранее готов практически ко всему, и оно тут же с превеликим удовольствием происходит – с самим человеком, или хотя бы у него на глазах. В местах вроде нашего города, где чудес и так выше крыши, от людей только это и требуется –

им и себе не мешать.

– Интересно, чем это закончится? К чему мы в итоге придём? Что будет? Ты же у нас всеведущий? Значит знаешь наверняка!

– «Что будет?» – вопрос совершенно бессмысленный, если задавать его мне, – смеётся воздушный змей. – С моей точки зрения, ничего никогда не «будет», потому что всё уже есть. Сотворение мира ещё продолжается, он творится в каждый момент. И гибель этого мира даже не то что предreshена, он уже вот прямо сейчас – ежесекундно, всегда – гибнет, продолжая безмятежно твориться, и вместе это создаёт звенящее, ликующее напряжение, которое, собственно, и есть жизнь.

Эдо

апрель 2020 года

Теоретически, он должен был бы сочувствовать горожанам, запуганным новостями об эпидемии: сам долго был человеком Другой Стороны, не понаслышке знал, как силен в них страх, какой беспощадной липкой волной поднимается при малейшей опасности паника, как она заливает всякий ясный, казалось бы, ум. И что всё это происходит не от хорошей жизни, а от нехорошей, страшной, мучительной смерти, которая маячит у всех в перспективе, он тоже прекрасно знал.

Но сочувствия не испытывал, причём именно потому, что сам много лет был настоящим человеком Другой Стороны, без обычных привилегий гостя с изнанки. Никуда не мог отсюда сбежать, даже смутными воспоминаниями о прежней жизни не утешался, не о чем было ему тогда вспоминать. Да и сейчас Эдо вовсе не был уверен, что в случае чего умрёт легко, без страданий и последнего смертного ужаса, положенного уроженцам Другой Стороны. Наоборот, считал, что шансов на это немного: в конце концов, счастливой домашней материи в теле всего-то шестая часть. И думал: если уж даже я – не только выдавший виды сегодняшний, но и тот, ка-

ким был пару лет назад, — сейчас наплевал бы на меры предосторожности и преспокойно отправился бы гулять, они тем более могут. Психика-то у большинства, по идее, крепче, чем у нервных гуманитариев с артистическим воображением, вроде меня. На Другой Стороне столько возможностей в любой момент мучительно умереть, что на пару не самых добрых вселенных хватило бы. И как минимум нелогично так паниковать из-за всего-то одной дополнительной, даже если о ней истерически орут из всех утюгов и чайников со свистками. И из чего там нынче ещё орут.

Поэтому никакого сочувствия к перепуганным горожанам он не испытывал. Просто радовался, что они попрятались по домам. Никогда до сих пор не жил в опустевшем городе, и ему неожиданно очень понравилось, хотя мизантропом себя не считал. Он любил находиться в весёлой, пёстрой, многоязычной, бесшабашной виленской толпе, слушать, смотреть, обмениваться репликами с незнакомцами, ловить приветливые взгляды и улыбаться в ответ — не только дома, где это всем с детства знакомая, понятная и доступная форма счастья, но и здесь, на Другой Стороне.

Однако в опустевшем городе Эдо впал в почти неприличный восторг и экстаз. Чувствовал себя богатым наследником, словно горожане ему лично оставили улицы, булыжные тротуары, закрытые бары, крыши, вымытые дождями и всю остальную свою развесёлую жизнь.

Гулял по безлюдному городу, покупал кофе на вынос, пил

его на заколоченных ресторанных верандах, на гулких, апокалиптически пустых площадях, в чужих палисадниках, в парках, без публики окончательно ставших похожими на леса. Чувствовал себя героем авангардного кинофильма, чей сценарист забил на сюжет, режиссёр запил в первый же съёмочный день и отдавал бессмысленные команды, зато художник-постановщик и оператор оказались гениями: в жизни ещё не видел настолько красивой весны. Даже дома, на Этой Стороне, где вёсны такие пронзительные, что когда забываешь себя и всё остальное, их почему-то помнишь, думаешь, что приснились, и каждый год мечешься между разными городами и странами в смутной надежде где-то однажды увидеть такое же наяву.

Но весна двадцатого года на Другой Стороне оказалась даже круче домашних. И почти бесконечно длинной, если вести отсчёт, как он всегда вёл, от самых первых подснежников – в этом году они появились ещё в январе. В феврале начали цвести крокусы, в марте, почти на месяц раньше обычного срока жёлтыми кострами запылали форзиции, первая дикая слива расцвела тоже в марте, успела в самый последний день, а в начале апреля над Старым городом уже клубились бело-розовые облака.

Он теперь почти безвылазно сидел на Другой Стороне, домой возвращался только когда того требовали дела. Целыми днями бродил по улицам, окончательно забив даже на подготовку к лекциям, выезжал на чистой импровизации, хотя

это, конечно, бардак и позорище, сам понимал. Корректуру книги отправил в издательство вычитанной на три четверти: сколько успел до неудавшейся поездки в Вену, в таком виде им и отдал. Всегда был страшным педантом, воевавшим за каждую свою запятую, а теперь стало всё равно. Ничего не имело значения, кроме пьянящего весеннего воздуха, горького дыма садовых костров, наглой юной травы, вездесущих пролесок, синих, как крошечные Маяки, и того, что мир теперь всегда был зелёный и золотой, зыбкий, текучий, окутанный сияющей паутиной, которая связывает всё со всем. Оказалось, чем меньше людей на улицах, тем явственней проявляются линии мира, не захочешь, а всё равно увидишь, никуда не денешься ты от них.

И вдруг как отрезало. Без единой мало-мальски внятной причины, ни с того, ни с сего. С утра вернулся на Эту Сторону ради очередной лекции, благополучно её прочитал, пообедал с коллегами, зашёл к Тони Куртейну, выпил с ним чаю и по рюмке домашней наливки из лепестков каких-то хитрых сахарных роз, которую сам же из любопытства купил на ярмарке в начале осени, полгода, вечность назад.

То есть он был в превосходном настроении, не особо устал, не напился, и Тони ничего такого на эту тему ему не сказал. Эдо сам удивился, когда внезапно посреди увлекательного разговора осознал, что от одной только мысли о возвращении на Другую Сторону его уносит в чёрную ме-

ланхолию, граничащую с физической тошнотой, совершенно необъяснимую, потому что только сегодня утром сидел на пустынном бульваре Вокечу, пил кофе и с удовольствием обещал себе: вот вернусь и сразу завеюсь гулять в холмы.

Его вероятно люто перекосило, потому что Тони Куртейн, увлечённо рассуждавший о сходстве социальных сетей Другой Стороны с короткой эпохой Бесцеремонных Видений в начале Третьей Империи, когда у горожан вошло в моду намеренно сниться другим, включая незаинтересованных в тебе незнакомцев, и люди так осточертели друг другу, что чуть не дошло до гражданской войны, споткнулся на полуслове. Спросил:

– Думаешь, ерунду говорю?

Эдо отрицательно помотал головой, хотя на самом деле именно так и думал. Но с положительной коннотацией. То есть с радостью слушал бы этот безумный гон до завтрашнего утра. Признался:

– Странная, знаешь, штука. Посмотрел на часы, подумал, что пора возвращаться на Другую Сторону, и вдруг такое яростное чувство протеста: «Не хочу! Не пойду!»

– Ну и не ходи, кто тебя заставляет? Или у тебя там дела?

– Да какие дела. Даже поездки мои отменились; формально неизвестно, на сколько, но по ощущению, насовсем. Просто мне нравилось жить на Другой Стороне. Там стало так интересно и странно. Как будто находишься одновременно в трансе, на курорте и в постапокалиптическом фильме; ну,

я тебе уже сто раз говорил. И вдруг резко расхотелось туда возвращаться, ни с того ни с сего. Ещё утром всё было нормально. Да лучше, чем просто «нормально», офигенно мне было, даже на полдня оттуда уходить не хотел. Спасся тем, что пообещал себе тебя на десерт.

– Спасибо, – ухмыльнулся Тони Куртейн. – Десертом я ещё никогда не был. Не осознавал себя таковым.

– Ну вот, осознай. Отличный из тебя десерт получился. Заманчивый! Я сразу как миленький на лекцию побежал... Короче. Ещё сегодня утром мне на Другой Стороне было отлично. А теперь натурально чёрной тоской накрывает от мысли, что надо туда идти.

– Так на самом деле не надо. Ты же можешь сколько угодно здесь жить.

– Могу, – без особого энтузиазма согласился Эдо. – Просто понимаешь, это как игрушку отняли. Обидно. И главное, непонятно, почему и зачем. По-хорошему, надо бы мне сейчас пойти на Другую Сторону и проверить, как я там себя буду чувствовать. Может, прекрасно. Может, меня просто так перемкнуло? Ну мало ли. Имею полное право на любые заски, я богема и псих. Но при мысли, что надо туда пойти, мне становится тошно. И это не настолько метафора, как мне бы хотелось. По-настоящему начинает тошнить.

– Похоже, ты там всё-таки отравился, – мрачно резюмировал Тони Куртейн.

– Отравился?! Чем?

– Да тамошним страхом, как многие наши травятся.

– Многие травятся страхом на Другой Стороне?

– Ну да. Не до смерти, конечно, а как паршивой дешёвой выпивкой. Слегка. Самые распространённые симптомы – тошнота и тоска, иногда такая невыносимая, что здоровые мужики начинают рыдать. Ну, это, в общем, естественно. Следовало ожидать. Когда почти полмиллиона человек на сравнительно небольшой территории так сильно боятся одного и того же, это, как ни крути, портит воздух. А мы в среднем гораздо чувствительней, чем люди Другой Стороны.

– Фигассе, что творится. И главное, мне ни слова!

– Нарочно не говорил. Знаю я твоё воображение. Тебе только скажи, и ты всё сразу почувствуешь. Даже то, чего нет.

– Это да, – вздохнул Эдо. – Есть такой грех.

– Я подумал, если у тебя что-то пойдёт не так, я же первым об этом узнаю. Или скажешь, или сам по твоему виду пойму. Но ты до сих пор отлично выглядел и ни на что такое не жаловался. Я решил, ты на Другой Стороне уже практически свой, вот тебя отравы и не берёт. Ну, оно так и есть отчасти. Вон ты сколько там почти безвылазно просидел. Да и сейчас не рыдаешь над унитазом, а просто не хочешь туда идти. А некоторым бывалым контрабандистам всего за полдня дурно делается. Потом долго отходят. Милый Мантас, говорят, до сих пор бегаёт по врачам; ну, правда, это не показатель, он на моей памяти всегда был ипохондриком. Но всё равно

ничего хорошего, факт.

– Ну надо же. Часто слышал из разных источников, что страх отравляет как яд. Собственно, сам так думал и говорил. Но был уверен, это просто метафора, чтобы нагляднее объяснить.

– Да я тоже. Но оказалось, вообще не метафора. По крайней мере, страх Другой Стороны. Ханна-Лора, когда я ей рассказал о своих наблюдениях, сперва растерялась, не знала, что делать: нельзя запретить людям ходить на Другую Сторону, когда им заблагорассудится, и при этом невозможно защитить их от отравы, таких лекарств у нас нет. Но вроде всё проходит само без последствий. Все поправляются. И потом уже сами на Другую Сторону не хотят. Скоро без контрабандного джина останемся, будем местную водку пить. На одного Блетти Блиса надежда, он пока тоже в полном порядке, как ты... был.

– Ну, по сравнению с тем, что ты о других рассказываешь, я до сих пор в порядке, – сказал Эдо.

Встал, подошёл к окну, посмотрел вниз, на улицу, на деревья, окутанные прозрачной зелёной дымкой юной листвы, на весёлых завсегдатаев бара «Злой злодей», обнимающихся у входа, подумал: «Господи, я же дома. Дома! Целую вечность мечтал об этом, куда я собирался идти, зачем?»

– Слушай, – признался он Тони Куртейну, – меня такая эйфория охватывает при мысли, что можно не идти на Другую Сторону, что я, пожалуй, правда, останусь. Я же, мать

твою, не где-то, а дома. Сажу у тебя в Тёмной Башне, в смысле, на Маяке. И до моря отсюда теперь пешком минут двадцать. От такого счастья отказываться – ищи дурных. Надо, что ли, снять наконец квартиру, чтобы не сидеть у тебя на голове.

– И не ютиться в такой теснотище, – подхватил Тони Куртейн. – В этом доме всего восемнадцать комнат. Было, когда я их в последний раз пересчитывал, может, с тех пор ещё приросло. Ты, конечно, делай, как хочешь. Но у тебя же семь пятниц на неделе. Послезавтра же передумаешь и решишь доказать всему миру, что тебе не слабо гулять по отравленной страхом Другой Стороне. Примерно через неделю взвоешь, что не нанимался всю жизнь сидеть на месте, отменишь ближайшие лекции и купишь билет на первый попавшийся поезд. А через месяц, чего доброго, случайно провалишься в какой-нибудь иной мир и пропадёшь ещё лет на десять. Я хочу сказать, какой смысл платить за квартиру, в которой никто не будет жить?

– Спасибо, друг. Всегда знал, что ты в меня веришь, – невольно улыбнулся Эдо.

– Да не то слово, – без тени улыбки согласился Тони Куртейн. – Ещё как верю. К сожалению, да.

Эва, Юстас

апрель 2020 года

Кара в последнее время так зашивалась на работе, что увидеться с ней получалось хорошо если пару раз в неделю, десять минут на кофе и разбежались, только однажды выбралась на пикник, да и там поминутно хваталась за телефон. Но накануне Эвиного отъезда Кара всё-таки выгрызла себе свободный вечер, так что отлично прогулялись и выпили напоследок – сперва на одной стороне реальности, где бары были закрыты на карантин, и пришлось скитаться по пустынному городу с бокалами в рюкзаке, а потом на другой, где с барами всё до такой степени в полном порядке, что даже непонятно, откуда берётся столько народу, чтобы их заполнять. На Эву выпивка почти не действовала, разве что слегка разгоняла поглотивший мысли и чувства туман, и голова становилась яснее; Кара смеялась: ну всё, дорогая, допрыгалась, добро пожаловать в страшный мир вечной трезвости, хуже нашего Стефана стала, совсем беда!

В четвёртом по счёту баре со смешным названием «Лихой парадокс» Кара ухватила за локоть симпатичного незнакомца – то есть Эве так сперва показалось, а что незнакомец

Карин сотрудник, и у них была назначена встреча, она уже потом поняла – повисла у него на шее, сказала:

– Явился, спаситель мой! Ещё немного, и мне бы пришлось делать выбор между опциями «плясать на столе» и «падать под стол».

– Так можно последовательно, – совершенно серьёзно сказал незнакомец. – Необязательно выбирать что-то одно.

Он говорил с такой убедительной интонацией, что Эва сразу внутренне с ним согласилась. Даже успела прикинуть, что лучше сперва плясать, а потом уже падать. Потому что если в обратном порядке, то вылезать из-под стола ради танцев будет мучительно лень.

– Это Юстас, – сказала ей Кара. – Твой водитель, переводчик и роковое проклятие на ближайшие десять дней.

– А почему проклятие? – опешила Эва.

– Потому что он только с виду нормальный мужик. А на самом деле – монстр, неумолимый, как сама смерть. Даже хуже: смерть иногда отступает перед хорошим врачом, или жреческим заклинанием, а Юстаса такой ерундой не проймёшь. Я велела ему привезти тебя обратно живой и здоровой – прости, дорогая! Ты не представляешь, что этот тип способен устроить, если ты вдруг захочешь воспользоваться неотъемлемым правом всякого свободного человека попасть в беду.

– Ну, это не очень страшно, – решила Эва. – Нелегко целых десять дней подряд оставаться живой и здоровой, но я

наверное как-нибудь переживу.

Юстас зыркнул на неё исподлобья и вдруг улыбнулся так тепло, как только на Этой Стороне улыбаются, хотя Эва не смогла бы сформулировать, в чём, собственно, заключается разница; по идее, приветливые, сердечные люди везде есть.

– На самом деле я не очень ужасный, – сказал он. – Так, серединка на половинку. И что особенно ценно в совместных поездках, умею часами молчать.

– Я тоже умею, – кивнула Эва. И подумав, честно призналась: – Но не люблю.

– Отлично поладите, – заключила Кара. – Я рада. Не подложила, значит, обоим сразу свинью. Пошли, проводите меня домой, проследите, чтобы не буянила по дороге. А то если начну, придётся продолжить: всякий жест требует логичного завершения. А я уже прямо сейчас спать хочу.

* * *

Проводили, куда деваться. Шли кругами, потому что весенняя ночь была упоительно хороша, на полпути по настоянию Кары купили бутылку какой-то смешной зелёной шипучки, хмельной, как шампанское с водкой, а по вкусу, как травяной лимонад, распили её на троих в подворотне, в старых удобных креслах, специально выставленных на улицу для любителей тайком выпивать; в процессе Эва и Юстас, поначалу не знавшие, как обращаться друг к другу, реши-

тельно перешли на «ты». На площади Восьмидесяти Тоскующих Мостов Кара крепко их обняла, сказала: «Без ящика „Белого дня“ даже не вздумайте возвращаться, если семнадцатый год уже не достать, берите последнего урожая, оно, по идее, тоже должно быть вполне ничего».

Когда за Карой захлопнулась дверь служебной квартиры, Юстас спросил Эву, где она живёт, немного подумал, кивнул, ухватил под локоть и бодрым шагом повёл в переулок, который освещали полтора фонаря – яркий на углу ближайшего дома и очень тусклый вдали. Свернули в какой-то двор, прошли его насквозь, едва протиснувшись между сараями, и внезапно оказались на улице Наугардуко, всего в трёх кварталах от Эвиного дома.

– Прости, что доставил не прямо к подъезду, – сказал ей Юстас. – Но Проходы у вас не в каждом дворе, к сожалению. Если и есть ещё ближе, я его пока не нашёл. Завтра приходи сюда с вещами, я тебя встречу, и сразу поедem. В полдень удобно? Не рано? Успеешь выспаться? Сейчас, если что, около половины первого – и здесь, и у нас.

– В полдень нормально, – кивнула Эва. – Всё-таки удивительно, что время в обеих реальностях идёт одинаково! С соседней Польшей час разницы, а с вами можно часы сверять.

– Сам удивляюсь, – кивнул Юстас. – Но так, кстати, не всегда было. Совсем недавно наше время синхронизировалось. Окончательно, без расхождений – меньше полувека назад.

– А раньше не совпадало?

Юстас отрицательно помотал головой.

– Раньше у нас за один ваш день годы порой пролетали. А иногда всего месяц, или неделя. Причём совершенно непредсказуемо, невозможно заранее угадать; если хронологические несоответствия и были с чем-нибудь связаны, учёные не сумели выявить связь. Поэтому приходилось принимать эту разницу просто как данность. Контрабандисты той эпохи были по-настоящему рискованные люди, нынешним не чета. Если застрянешь на Другой Стороне, для близких, считай, сгинул навек. Дома столетия могут пройти, пока ты вернёшься – если вообще хоть когда-то вернёшься – на свет Маяка. А зрители Маяка в ту пору были чокнутые, все как один. По-настоящему, я имею в виду, а не просто с небольшим прибабахом. Поди сохрани рассудок, когда у тебя нерасторжимая связь с двойником, который за всю твою долгую жизнь повзрослеть не успеет. Ты уже глубокий старик, а он даже в школу ещё не пошёл. Но уверен, гораздо труднее приходилось их двойникам. Каково быть ребёнком, чей второй уже умер от старости, об этом даже думать не хочется. Взрослому человеку с мёртвым двойником и то нелегко, особенно если не знает, что происходит. Но детям, конечно, несравнимо трудней.

– Ничего себе! – охнула Эва. – Ну и дела.

Юстас кивнул. Сказал:

– Совершенно не укладывается всё это в голове. Я пойду, ладно? Не сердись, что до самого дома не проводил. Самому

обидно убегать посреди интересного разговора, но тут ничего не поделаешь. Трудно мне находиться на Другой Стороне.

– Ничего, – утешила его Эва, – по дороге наговоримся.

– Вот уж точно! – улыбнулся Юстас. – Это я просто хва-
стался, что умею молчать.

* * *

Эва чувствовала себя полной душой, когда вышла на улицу с рюкзаком за спиной, волоча за собой тяжеленный чемодан на колёсиках. То есть с кучей вещей она из дома выходила неоднократно, ездила в отпуск хотя бы пару раз в год. И на Этой Стороне тоже регулярно бывала. Но переться на изнанку реальности с багажом было настолько нелепо, что она всю дорогу смеялась, все три квартала, грохоча чемоданом по мостовой.

Юстас уже ждал её в подворотне на Наугардуко, где рас-
стались вчера; на его вопросительный взгляд Эва сквозь смех сказала: «С вещами на выход за пределы реальности», – и потом смеялись уже вдвоём, особенно когда чемодан за-
стрял в проходе между сараями, натурально же между ми-
рами – до слёз. Успокоились только уложив спасённый че-
модан в багажник большой тёмно-красной машины, немно-
го похожей на джип.

– Это «Хокнесс», – сказал Юстас, заметив, с каким ин-
тересом Эва рассматривает машину. – Специальная модель

для междугородних поездок; вроде в металл что-то такое ритуально добавляют при плавке, чтобы дополнительно защитить водителя от очарования хаоса Пустынных земель.

– А Пустынные земли правда опасные? – удивилась Эва, которая что-то слышала краем уха от Кары о хаосе, который до сих пор царит за пределами городов, но не обратила внимания, тогда казалось, эта информация её не касается, где те Пустынные земли, и где я.

Только теперь до неё дошло, что встреча с хаосом Пустынных земель не просто неминуема, но и произойдёт буквально в течение часа, или сколько тут выезжать из города. То есть скоро совсем.

– Да нет, какие они опасные, – отмахнулся Юстас. – Только если выскочить из машины и отойти подальше от трассы, можно в наваждениях заплутать; но кстати, люди всё равно возвращаются. Неизвестно когда, не пойми в каком состоянии, но не припомню случая, чтобы хоть кто-нибудь сгинул там навсегда. Ну и окна в машине лучше не открывать, особенно ночью, потому что голос хаоса убаюкивает, и вот это действительно может плохо закончиться: нельзя засыпать за рулём. Но если ехать с закрытыми окнами и останавливаться только на заправочных станциях, вообще никакого риска. Особенно когда у водителя есть междугородние права. Их выдают только тем, кто достаточно устойчив к влиянию хаоса. Хотя, если честно, права в наше время – почти формальность. Бывает работа, на которую без прав не устроишься,

это да. А так-то куча народу просто ленится сдавать лишний экзамен и спокойно ездит без междугородних прав.

– Интересно, как выглядит проверка на устойчивость к влиянию хаоса?

– Да просто выглядит. Едешь по трассе с экзаменатором, по дороге отвечаешь на его вопросы, и он записывает твои ответы в специальный журнал.

– А что за вопросы?

– Разные. Ничего из ряда вон выходящего. На первый взгляд, простой психологический тест. Но по ответам эксперты потом вычисляют, как твоя психика взаимодействует с хаосом. Справляется или нет. Моя, как выяснилось, отлично справляется. Получил права с первой попытки, и потом ещё долго переживал, что я настолько обычный, скучный человек.

– А я бы наверное страшно гордилась, – призналась Эва. – Это же круто, что можешь с хаосом совладать!

– Да не особенно круто, у нас большинство это может. Примерно три четверти желающих легко получают права. Поэтому, собственно, и было обидно. Как будто мне выдали справку, что я не какой-нибудь экстатический гений, им-то междугородних прав как своих ушей не видать. Мне тогда только-только восемнадцать исполнилось, когда ещё и быть дураком. Пошли, выпьем кофе на дорожку? На заправках будет уже не то. Здесь рядом кофейня «Рутинa», как по мне, лучшая в городе, у них всегда есть контрабандные зёрна с

Другой Стороны. Оно не совсем законно, но на кофейни у нас по традиции смотрят сквозь пальцы. Всё-таки ваш кофе, как ни крути, однозначно лучше, нет у нас достойного аналога ваших африканских сортов.

– Да уж куда вам! – усмехнулась Эва. – Для хорошего кофе здесь всё-таки чересчур рай. Мне знакомый бариста рассказывал, что кофе нужны тяжёлые условия существования. Чем хуже ему живётся, тем он вкусней.

Попробовав расхваленный контрабандный кофе, который оказался неплохим, но вовсе не из ряда вон выходящим, Эва сказала Юстасу:

– Только сейчас поняла, что полной ерундой занимаюсь. Работа у меня нервная, ненормированная, за компьютером целыми днями сижу. А могла бы просто таскать к вам кофе мешками. Благо в чём, в чём, а уж в нём разбираюсь! И знаю, где можно самые крутые сорта относительно недорого купить.

– В другое время я бы тебе отсоветовал, – совершенно серьёзно ответил ей Юстас. – С нашими контрабандистами конкурировать так себе развлечение, у них мафия ещё та. Но сейчас как раз идеальный момент, чтобы начать свой бизнес. На Другую Сторону почти никто за товаром не ходит. Травиться вашим страхом нет дураков.

– Травиться страхом? – опешила Эва.

– Ну да. Нам и в хорошие времена на Другой Стороне

непросто приходится, нежные мы. Я имею в виду, чересчур восприимчивые к, скажем так, психологической атмосфере. А она на Другой Стороне сильно отличается от того, к чему мы привыкли.

– Отличается – не то слово. Ох, да!

– А сейчас у вас люди испугались какой-то новой болезни. Целыми днями думают только о ней. Сколько в городе жителей? Примерно полмиллиона? Даже если только четверть по-настоящему сильно боится, всё равно ничего себе цифра, сама прикинь.

– По-моему, больше, чем четверть, – вздохнула Эва. – В самом лучшем случае каждый второй. И насчёт атмосферы хорошо понимаю. На улице мне вроде нормально, но недавно оказалась в большом торговом центре, так меня там практически сразу ощутимо подташнивать начало.

– Ну вот, даже ты чувствуешь, хотя там родилась. А на нас страх такой силы действует, как отравляющий газ. Наши контрабандисты ребята простые и грубые, в среднем гораздо выносливей остальных, но вернувшись от вас, блюют и рыдают. И желанием снова идти на Другую Сторону за товаром, мягко говоря, не горят. Да ладно бы контрабандисты, мои коллеги из Кариной группы один за другим домой возвращаются. Крутые оперативники! Их там сейчас осталось четверо из десяти, причём все – бывшие Мосты, по много лет на Другой Стороне прожили. Ну и плюс сама Кара. Но она-то, без вопросов, кремень.

– Ужас какой, – сказала Эва. И залпом допив кофе, добавила: – Про бизнес я вообще-то шутила. Какая из меня спекулянтка. А теперь думаю, может, и правда, заняться? Пропадёте же без наших кофе и сигарет.

– Цены на ваши товары уже взлетели до неба, – тоном змея-искусителя добавил Юстас. – И ещё вырастут, помяни моё слово. Озолотишься влёт. Особенно если не пьёшь, как лошадь и не играешь каждый день в казино.

– Да кто ж меня знает, – хмыкнула Эва. – Может, у меня до сих пор просто возможностей не было? А теперь развернись!

* * *

Когда выехали из города, Эва, конечно, сидела, как на иголках, ждала наваждений и миражей, гадала, будут они скромно стоять на обочине или прямо по трассе скакать. И какие именно? Что здешний хаос ей покажет? И увидит ли это Юстас? Он сказал, что обычно ничего такого не видит, но вдруг по мою душу заявится какой-то особо мощный мираж? И что тогда? Юстас сможет вести машину? Или мне придётся самой садиться за руль?

Но в итоге ничего особенного за окном не увидела. Ни жуткого, ни прельстительного. Только деревья растут у обочины, иногда лес, иногда узкая полоса, а что там дальше за ними, не разглядишь, особенно когда несёшься по трассе на скорости сто шестьдесят.

– Даже немного обидно. Думала, уж мне сейчас что покажут! А ни фиги, – сказала она, когда Юстас свернул к заправке, остановился и объявил: «Перекур!»

– Значит, психика у тебя устойчивая. Междугородние права, если что, без проблем получила бы. Поздравляю, ты такая же скучная, как и я, – рассмеялся Юстас. – На тебя кофе брать?

Эва кивнула. Села на лавку у кафетерия, закурила. Весело подумала: вернусь домой, надо будет извиниться перед Иоганном-Георгом, что так упорно обзывала его «галлюцинацией». Их у меня, оказывается, не бывает. Даже хаосом Пустынных земель изнанки меня не проймёшь.

Кофе был очень крепкий и очень горький, Эва от такого уже отвыкла. Выпила залпом, как водку, чтобы как можно меньше чувствовать вкус. Зато воздействие оказалось, можно сказать, отрезвляющее. Или пробуждающее, как ведро ледяной воды. Безмятежный туман, окружавший её с начала весны, рассеялся, и Эва с пронзительной ясностью осознала: я сейчас нахожусь в другой реальности. В месте, которого для таких как я, по идее, в природе нет. Сижу тут практически в чистом поле, на автозаправке, среди то ли дремучих лесов, то ли просто первозданного хаоса, который временно принял форму дремучих лесов. Наяву сижу, не во сне, не в бреду, не в видении, тем более, не в мечтах. Отсюда домой не вернёшься, даже если очень захочешь. Но я и не захочу.

Я в другом мире, – думала Эва. – Как в сказке. Меня похитили феи. Я им почему-то понравилась. Поят, кормят, в машине катают. В отпуск к южному морю везут, в Элливаль. Это теперь моя жизнь. Боже, какое счастье! Это – жизнь, и она – моя.

Юстас смотрел на неё с интересом исследователя. Наконец сказал:

– Выглядишь так, что я начал сомневаться, а кофе ли был в той чашке, которую я тебе дал.

– Правильно сомневаешься, – кивнула Эва. – Если судить по вкусу, там был жидкий ад. А если по действию, там было дао. Не выраженное словами, но меня и без слов проняло.

– «Дао»? – удивился Юстас. – Это что за штука такая? Один из наркотиков Другой Стороны?

– Почти, – рассмеялась Эва. – Только не вещество, а идея. Даже не представляю, как буду тебе объяснять.

В итоге целый час сбивчиво и путано вещала про даосизм, о котором сама мало что знала. С другой стороны, на то и дао, чтобы о нём ничего толком не знать! Но Юстасу её бестолковая лекция очень понравилась, он впитывал буквально каждое слово, как впитывает воду растрескавшаяся сухая земля. Когда Эва выдохлась и умолкла, сказал:

– До каких интересных штук у вас там, оказывается, додумались! Всё-таки получается, зря я никогда ничего о Другой Стороне не читал.

– Я думала, в вашей Граничной полиции все подкованные, не хуже Кары, – удивилась Эва. – Знаете о Другой Стороне больше, чем мы о себе.

– Да нет, конечно, – улыбнулся Юстас. – Нас на работе за умения держат, эрудиция – исключительно по желанию. Правда, многим коллегам действительно интересно про Другую Сторону побольше узнать, с утра до ночи контрабандные книжки читают, слушают музыку и смотрят кино. Но мне – не особо. Я Другую Сторону, честно говоря, не люблю... ой, прости! Я не подумав ляпнул. Не сообразил, что тебе может быть неприятно. Ты, по ощущению, совершенно как наша девчонка, и я всё время упускаю из виду, откуда ты.

– Правда, что ли, как ваша? – удивилась Эва.

– Ну да. А то бы я так не расслабился. Я же, в принципе, вежливый. Не люблю обижать людей.

– Да ты не обидел, – утешила его Эва. – Мне самой там непросто, особенно когда от вас прихожу – по контрасту ужас кромешный; потом, конечно, заново привыкаешь, и вроде опять вполне ничего... Но слушай, а почему ты тогда в Граничной полиции работаешь? Я имею в виду, если Другая Сторона не нравится, зачем вообще с ней дело иметь?

Юстас молчал. Эва решила, что задала бестактный вопрос, и уже приготовилась извиняться, но он наконец сказал:

– Ханна-Лора уговорила. Начальница нашей Граничной полиции, знаешь её?

– Немножко. Видела один раз, Кара нас познакомила. Я

сперва удивилась, что такая молодая девчонка, и уже начальница, но Кара сказала, на самом деле, Ханна-Лора гораздо старше всех нас.

— Ну да, она древняя жрица, — кивнул Юстас. — Они умеют так воскресать, как будто не умирали, а просто ездили в отпуск. Помнят, что было раньше, и умеют то, что в прежних жизнях умели, хотя со дня их последней смерти уже много столетий прошло. Не представляю, как у них получается, и главное, зачем им самим это надо, но им, конечно, видней. Факт, что Ханна-Лора меня заметила и взяла в оборот. У меня талант легко проходить на Другую Сторону. То есть проходить-то у нас довольно много народу умеет, но большинство — только с проводником. А те, кто ходит без посторонней помощи, обычно делают это с большим трудом. И далеко не всегда с первой попытки. И не где сами пожелают, а только в специальных местах. В среднем опытный контрабандист знает три-четыре более-менее надёжных Прохода, где ему без гарантий, но довольно часто везёт. У каждого из них свои секретные способы и приёмы, но мало кому это дело даётся легко. Пройти на Другую Сторону, скажем, за четверть часа считается очень неплохим результатом. А я прохожу мгновенно, с первой попытки и кого угодно могу с собой провести. Даже любого из ваших, я имею в виду, людей с Другой Стороны, которые, если случайно к нам попадают, стремительно тают, превращаются в незванные тени, а потом исчезают бесследно — плохой конец. За этим меня в Гранич-

ную полицию и позвали. Ну, то есть я много чего на службе делаю, но основная задача – быстро доставлять на Другую Сторону наших и спасти заплутавших гостей. На самом деле я просто ясно вижу Проходы. Все, или многие – просто глазами, как люди с нормальным зрением видят освещённый лампами коридор. Когда-то я удивлялся, почему их не видят все остальные – ну вот же! Мне не надо, а я всё равно их вижу, так вы тем более видеть должны. Но оказалось, это большая редкость. Просто такой талант. Ну или не просто, а сложно. С этой вашей Другой Стороной вечно всё сложно. Знаешь что? Я окно ненадолго открою, ладно? Очень хочу закурить. Ты же не против, если до тебя донесутся какие-нибудь посторонние голоса?

– Совершенно не против. Сама с удовольствием покурила бы. Только смотри не засыпай за рулём!

– Да я и без руля сейчас не засну. Но если почувствую, что не в меру расслабился, сразу же закрою окно, – пообещал Юстас. – И скорость сейчас убавлю, чтобы руль нормально одной рукой держать. Я осторожный водитель. И опытный. Скучный, как уже признавался. Совершенно не созданный для неприятностей человек!

– До сих пор я совсем иначе представляла себе скучных людей, – улыбнулась Эва. – Но чёрт знает, конечно, какие у вас тут нормы, что считается скучным, а что нет. Я же из ваших только Кару хорошо знаю. И Эдо Ланга немножко. Он у вас тоже считается скучным?

– Хорошая шутка, – кивнул Юстас, с наслаждением выдыхая дым. – Но если вдруг это была не шутка, правильный ответ: профессор Ланг настолько не скучный, что даже слегка перебор... Да и я не настолько скучный, как мне самому хотелось бы. Редкая, мать его, птица. Живой человек с умершим двойником.

– Как те дети с Другой Стороны, о которых ты вчера говорил?

Эва не удивилась его признанию, как будто ещё вчера сразу всё поняла. Хотя на самом деле даже мысли подобной не было. Но теперь кажется, что была. Интересно, можно о чём-то знать, не зная, что знаешь? Дао, не выраженное словами, мать-перемать.

– Что-то вроде того, – кивнул Юстас. – Только мне всё-таки не так трудно пришлось, как им. Во-первых, у нас тут в целом жизнь веселее и легче, как бы тоска ни скрутила, а в голову не придёт, к примеру, себя убить. Во-вторых, я был уже более-менее взрослым, когда мой второй погиб. И недолго оставался в неведении. Помучился года два, не понимая, почему во мне ворочается чужая, тяжёлая, страшная смерть и отравляет всё, к чему я прикоснусь, а потом меня нашла Ханна-Лора. Научила как максимально ослабить эту невозможную, уже никому не нужную связь. Заодно предложила работу в Граничной Полиции, и я согласился, потому что когда вообще ничего не хочешь, оказаться полезным, незаменимым – единственный шанс обрести хоть какой-ни-

будь смысл. Ну и не прогадал, как ты понимаешь. Получил гораздо больше, чем мог вообразить. Всё-таки наша Граничная полиция по сути и духу очень похожа на древние тайные общества, культы и магические ордена. Только устав не настолько строгий. И зарплата внезапно хорошая. И выходные, и отпуск положен четырежды в год. Знали бы древние жрецы, как мы тут отлично устроились, все бы немедленно возродились сейчас! Хотя чёрт его знает, может они так и сделали? Не одна Ханна-Лора такая хитренькая? Насчёт некоторых коллег я бы совершенно не удивился, если бы такое узнал!

Надо же, – думала Эва, слушая Юстаса, – а я в нём смерти совсем не учуяла. Наверное, связь с умершим двойником это что-то совсем другое, непохоже на настоящую смерть.

Спросила:

– Так ты поэтому так легко проходишь на Другую Сторону? Из-за своего мёртвого двойника?

– Ханна-Лора думает, что поэтому. Но точно никто не знает. Связь с двойником – дело тёмное. И Другая Сторона – дело тёмное. И Проходы туда – дело тёмное. Всюду сплошная тьма! – сказал Юстас, щурясь от яркого солнца, которое внезапно выглянуло из-за туч и теперь светило им прямо в глаза.

– Мы с тобой молодцы, – сказал Юстас. – Выехали в обед, останавливались три раза, а всё равно добрались до Лиловой пустыни до полной темноты! Эй, ты чего не визжишь от восторга?

– А надо? – встрепелась Эва. – Серьёзно? Вот прям визжать?

Она не то чтобы задремала, но была к этому довольно близка. Последний кофе на заправке был часа два назад, и его бодрящее воздействие уже закончилось, а убаюкивающее воздействие долгих, как летом, сиреневых сумерек и далёкого пения, доносившегося через чуть-чуть, буквально на палец приоткрытое окно машины, как раз началось. Сидела, лениво думала, что надо развлекать водителя разговорами, но двух слов связать не могла.

– Не помешало бы! – рассмеялся Юстас. Он выглядел страшно довольным. – Потому что мы идём на рекорд. Не абсолютный, Старую Тому не переплюнуть, но мой личный – точно... Ай, да ты же не поняла! Если мы в Лиловой пустыне, значит, будем в Элливале уже через пару часов. Поужинаем как нормальные люди, а не в какой-нибудь ночной забегаловке для таксистов. Я на это надеялся, но не особо рассчитывал. Ай да мы с тобой!

Эва начала понимать.

– Кара говорила, до Элливаля полтора суток на поезде, – вспомнила она. – Это сколько же, получается километров? Больше тысячи?

– По этой трассе две триста.

– Сколько?! Две триста? Серьёзно? И мы их уже проехали? За семь часов? С остановками?! Да быть такого не может. Ты гнал временами, конечно. Но не настолько же гнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.